



новая глава
про мировой
финансовый
кризис

Алан Гринспен

ЭПОХА ПОТряСЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Алан Гринспен

Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128628

*Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы / Алан Гринспен: Альпина Паблшер; Москва; 2015
ISBN 978-5-9614-4036-2*

Аннотация

Книга Алана Гринспена, возглавлявшего Федеральную резервную систему США более 18 лет, не похожа на те мемуары, которые обычно пишут сошедшие со сцены политики и государственные деятели. Это скорее глобальный экономический анализ, в основе которого лежат личный опыт и мировоззрение последовательного защитника рыночной системы. Именно поэтому книга состоит из двух частей. Первая посвящена формированию личности автора и становлению его взглядов, а вторая – концептуальной основе понимания новой глобальной экономики, в которой мы живем сегодня. В книге рассматриваются важнейшие элементы развивающейся глобальной среды: принципы управления, восходящие к эпохе Просвещения; энергетическая инфраструктура; глобальные

финансовые дисбалансы и коренные изменения мировой демографической ситуации, создающие угрозу дальнейшему развитию; обеспокоенность по поводу справедливости распределения результатов. В заключение автор пытается представить, каким будет характер мировой экономики в 2030 году. Издание дополнено эпилогом, посвященным мировому финансовому кризису.

3-е издание, дополненное.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	10
1. Мальчишка из большого города	43
2. Как я стал экономистом	77
3. Экономика и политика	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108
Комментарии	

Алан Гринспен
Эпоха потрясений.
Проблемы
и перспективы мировой
финансовой системы

Переводчики: *Т. Гутман* (гл. 11, 15–17, 20, 21), *В. Ионов* (гл. 12–14, 18, 19, 22, 23, эпилог), *С. Сурин* (гл. 1–10, 24, 25)

Редактор *В. Ионов*

Технический редактор *Н. Лисицына*

Корректор *Е. Аксенова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Дизайнер обложки *С. Прокофьева*

© Alan Greenspan, 2007

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2015

Издано по лицензии The Penguin Press, подразделения Penguin Group (USA), Inc.

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2015

Все права защищены. Произведение предназначено исклю-

чительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

*** * ***

Предисловие к русскому изданию

Кто такой Алан Гринспен и почему его личность вызывает живой интерес во всем мире? Секрет прост – это бывший председатель Федеральной резервной системы США, человек, участвовавший в принятии ключевых экономических решений на протяжении минимум четверти века. Он родился в Нью-Йорке в 1926 году. После окончания общеобразовательной школы получил музыкальное образование и некоторое время играл в профессиональном оркестре. Однако с детства его привлекала математика, а потом бизнес и финансы. Даже работая в оркестре, он читал финансовую литературу и занимался составлением налоговых деклараций для своих коллег-музыкантов. Публичную деятельность Гринспен начал в 1968 году, приняв участие в предвыборной кампании Ричарда Никсона. Затем он возглавил Экономический совет при президенте и, наконец, занял кабинет председателя ФРС, где проработал более 18 лет.

Книга Алана Гринспена «Эпоха потрясений» – это не мемуары в классическом понимании, а скорее глобальный экономический анализ. Она логически разделена на две части. Вторая часть посвящена анализу нынешней ситуации в различных странах и построению сценариев развития событий. В ней рассматривается положение Китая, Индии, Японии, стран Европы, России и – наиболее детально – проблемы,

стоящие перед США. Однако этот анализ был бы неполным без первой, автобиографической части, где раскрывается процесс становления личности автора. Гринспен рассказывает о своем детстве, учебе в школе, начале профессиональной деятельности, приходе на государственную службу.

На мировоззрение Алана Гринспена сильное влияние оказали взгляды Адама Смита и Джозефа Шумпетера. С работами Адама Смита он познакомился после Второй мировой войны, когда теорию этого экономиста практически предали забвению. Возврат к экономическим идеям Смита начался лишь в конце 1960-х годов, когда Гринспен пришел на государственную службу. Концепция созидательного разрушения Шумпетера занимает особое место в книге. Гринспен считает созидательное разрушение, т. е. отказ от старых технологий и методов производства в пользу новых, основополагающей идеей рыночного капитализма.

Немалую роль в формировании взглядов Алана Гринспена сыграла Айн Рэнд. Она фактически помогла ему сформировать макровидение мира. В начале 1950-х Гринспен стал сторонником ее философии – либертарианства – и до сих пор придерживается либертарианских взглядов.

Книгу «Эпоха потрясений» в определенной мере можно считать учебником истории глобализации. Россия, которой посвящены две главы, – неотъемлемая часть глобальной экономики. Глобальные процессы несомненно влияют на нашу экономику. Наши внутренние события также не проходят

бесследно для мира. Например, российский дефолт 1998 года привел к краху одного из самых крупных и успешных хедж-фондов Уолл-стрит – Long-Term Capital Management (LTCM). Понимание взаимодействия глобальной и национальной экономики очень важно сегодня. Именно поэтому полезно познакомиться со взглядами такого убежденного сторонника глобализации, как Алан Гринспен.

Книга «Эпоха потрясений» интересна и познавательна. Она написана живым языком, по ходу повествования автор делает многочисленные отступления, объясняющие различные аспекты функционирования финансовой системы. В результате получается сплав истории жизни выдающейся личности и мини-уроков по экономике. Эту книгу стоит прочитать всем, кого интересуют финансы, экономика и процессы глобализации. Ее изучение должно стать обязательным элементом экономического образования.

Алексей Кудрин

Заместитель председателя Правительства РФ,

министр финансов РФ

май 2008 – сентябрь 2011

Введение

Днем 11 сентября 2001 года я летел в Вашингтон рейсом 128 авиакомпании Swissair после очередной международной встречи представителей банковских кругов в Швейцарии. Когда я шел по проходу между рядами, меня остановил начальник моей охраны Боб Агню. По своему характеру Боб, бывший сотрудник спецслужб, был приветливым, хотя и не слишком разговорчивым человеком. Но в тот момент меня поразила его мрачность. «Господин председатель, – тихо произнес он, – с вами хочет поговорить командир корабля. Два самолета врезались в башни Всемирного торгового центра». Должно быть, он увидел на моем лице недоверие, потому что добавил: «Я не шучу».

Командир, находившийся в кабине экипажа, был заметно взволнован. Он говорил по-английски с легким акцентом. По его словам, террористы захватили несколько авиалайнеров, два из которых протаранили небоскребы Всемирного торгового центра, а один врезался в здание Пентагона. Судьба еще одного самолета оставалась неизвестной. Больше он ничего сказать не мог и лишь добавил, что мы возвращаемся в Цюрих и что остальных пассажиров не будут информировать об истинной причине возвращения.

«Нам действительно необходимо вернуться? – спросил я. – А нельзя ли приземлиться в Канаде?» Ответ был от-

рицательным. Командир сказал, что у него приказ – лететь в Цюрих.

Пока звучало объявление о том, что авиадиспетчерская служба направляет самолет обратно в Цюрих, я прошел к своему креслу. Телефоны на пассажирских местах были выключены, поэтому я не мог связаться с землей. Коллеги из Федеральной резервной системы (ФРС), бывшие в эти выходные вместе со мной в Швейцарии, летели домой другими рейсами. В отсутствие возможности узнать, что происходит, в ближайшие три с половиной часа мне только и оставалось, что размышлять. Я глядел в иллюминатор, просматривал рабочие документы и бумаги, которые вез с собой, – кипы служебных записок и экономических отчетов, вовремя не выложенных из портфеля. В голове все время крутилась мысль: «А что если это нападение – лишь пролог какого-то глобального заговора?»

Больше всего я беспокоился за жену – Андреа работала ведущим международным корреспондентом NBC в Вашингтоне. В тот день ее не было в Нью-Йорке, что уже хорошо. Посещение Пентагона также не значилось в ее ближайших планах. Скорее всего она находится в студии NBC в центре города и занята освещением произошедших событий. Стало быть, не стоит особо волноваться, убеждал я себя... но что если в последний момент она отправилась на встречу с каким-нибудь генералом в Пентагон?

Беспокоила меня и судьба коллег из ФРС. Все ли с ними

в порядке? А с их родственниками? Наверняка сейчас делается все, чтобы не допустить кризиса. Такое нападение – первое на территории США со времен Перл-Харбора – способно ввергнуть страну в хаос. Для меня важнее всего была оценка возможных последствий для экономики.

Вероятность возникновения экономического кризиса была более чем очевидной. В худшем случае нам грозил полный крах финансовой системы, хотя я все же считал такой сценарий практически нереальным. В ведении ФРС США находится система электронных платежей, через которую осуществляются переводы денежных средств и ценных бумаг между банками по всей стране и почти по всему миру на сумму свыше \$4 трлн в сутки.

Всегда считалось, что для разрушения американской экономики достаточно вывести из строя электронную платежную систему. В этом случае банки вынуждены будут вернуться к малоэффективным физическим способам перевода денег, предприятиям придется заключать бартерные сделки и использовать долговые расписки, а экономическая активность в стране резко упадет.

Во времена холодной войны по инициативе ФРС все каналы связи и узлы обработки данных, обеспечивающие работу электронной платежной системы, были многократно продублированы. Это повышает устойчивость к ядерному удару. Кроме того, используются и другие средства защиты: например, базы данных одного федерального резервного банка ко-

пируются и хранятся в другом федеральном резервном банке за сотни миль от него. В случае ядерного нападения наши сотрудники в кратчайшие сроки могут восстановить работу системы из районов, не подвергшихся заражению. Именно этими возможностями должен был сегодня воспользоваться Роджер Фергюсон, вице-председатель ФРС. Я был уверен, что он и другие мои коллеги сделают все для сохранения жизнеспособности мировой долларовой системы.

Вместе с тем я сомневался, что террористы хотели нарушить работу финансовой системы государства. Скорее всего, это был символический акт против капиталистической Америки, как и тот взрыв на автостоянке Всемирного торгового центра восемью годами ранее. Больше всего меня тревожила мысль о страхе, который могло породить нападение, особенно если за ним последуют новые теракты. В такой высокоразвитой экономической системе, как наша, люди должны непрерывно взаимодействовать друг с другом, обмениваться товарами и услугами, а разделение труда настолько глубоко, что выживание каждой семьи напрямую зависит от эффективности коммерческой деятельности. Если население перестанет участвовать в повседневной экономической жизни (например, инвесторы сбросят акции, предприниматели перестанут заключать сделки, а покупатели прекратят ходить в торговые центры, опасаясь террористов-смертников), то возникнет эффект снежного кома. Причиной панических настроений и кризисов всегда является психологиче-

ский фактор. Удар, который только что обрушился на США, вполне способен вызвать значительный спад деловой активности и, как следствие, стремительный рост нищеты.

Задолго до приземления нашего самолета мне было совершенно ясно, что мир стоит на пороге серьезных перемен, характер которых трудно предугадать. В любом случае атмосфера самоуспокоенности, царившая в американском обществе в течение десяти лет после окончания холодной войны, исчезла.

Мы прилетели в Цюрих в 20.30 по местному времени, когда в Соединенных Штатах был полдень. У трапа меня встретили представители центрального банка Швейцарии и сразу же повели в специальную комнату в зале ожидания. Они предложили посмотреть видеозаписи крушения башен-близнецов и пожара в Пентагоне, но я отказался. Я работал много лет рядом с Всемирным торговым центром, у меня были там друзья и знакомые, и кто-то из них мог оказаться в числе жертв. Я не хотел смотреть на разрушения. Мне нужно было только одно – работающий телефон.

Около девяти вечера я наконец дозвонился Андреа на сотовый и с облегчением услышал ее голос. Мы обменялись лишь приветствиями, после чего Андреа сказала, что ей нужно бежать – она находилась в студии и вот-вот должна была выйти в эфир с последними новостями. «Расскажи хотя бы в двух словах, что у вас происходит», – попросил я.

Андреа держала телефон у одного уха, прижимая к дру-

гому наушник, из которого доносился голос нью-йоркского продюсера специальных выпусков новостей. Он почти кричал: «Андреа, к тебе едет Том Брокау! Ты готова?» Она едва успела сказать мне: «Слушай». Потом, не отключая, положила сотовый телефон на колени и обратилась к камерам. Я слышал то, что слышала в тот момент вся Америка: пропавший самолет авиакомпании United Airlines, рейс 93, разбился в Пенсильвании.

После этого мне удалось дозвониться в ФРС до Роджера Фергюсона. Мы быстро прошлись по плану действий в кризисной ситуации. Как и следовало ожидать, Роджер держал ситуацию под контролем. Затем я связался с главой аппарата Белого дома Энди Кардом и попросил его организовать мне специальный рейс в Вашингтон, поскольку полеты гражданских самолетов над территорией США были полностью прекращены. Наконец, я отправился обратно в гостиницу в сопровождении охраны, чтобы немного поспать, пока не поступят дальнейшие указания.

На рассвете я снова летел в Америку на борту топливозаправщика KC-10 ВВС США – единственного доступного на тот момент самолета. Обычным его предназначением была дозаправка военных самолетов над водами Северной Атлантики. В кабине пилотов царил мрачное настроение. «Ни за что бы не поверил, – сказал командир. – Вот, послушайте». Я приложил к уху шлемофон, но кроме атмосферных помех в нем ничего не было. «Обычно в Северной

Атлантике радиозэфир забит переговорами, – пояснил он. – А эта тишина... просто жутко становится». Судя по всему, кроме нас, в этом районе никого не было.

Когда мы снизились над восточным побережьем и вошли в воздушное пространство США, наш топливозаправщик встретили и повели два истребителя F-16. Командир корабля получил разрешение пролететь над тем местом, где раньше стояли башни-близнецы, в южной оконечности Манхэттена. Офисы, в которых я проработал не один десяток лет, располагались всего в нескольких кварталах от Всемирного торгового центра. В конце шестидесятых – начале семидесятых годов я наблюдал за возведением башен-близнецов. А теперь, с высоты 35 000 футов, их дымящиеся остатки сразу бросались в глаза.

После приземления я сразу же поехал в ФРС в сопровождении полицейского эскорта по забаррикадированным улицам. На месте мы немедленно приступили к работе.

В целом система электронных платежей функционировала нормально. Однако, поскольку гражданские самолеты не летали, возникали задержки в перевозке и расчетах по старым добрым чекам. Однако это была чисто техническая проблема – довольно существенная, но вполне разрешимая. Федеральным резервным банкам нужно было лишь временно расширить кредитование коммерческих банков.

В последующие дни основную часть времени я следил за происходящими событиями, стараясь не пропустить при-

знаки надвигающейся экономической катастрофы. В течение семи месяцев перед 11 сентября в экономике отмечался небольшой спад, как последствие краха интернет-компаний 2000 года. Однако ситуация начинала меняться к лучшему. Мы регулярно снижали процентные ставки, рынки постепенно стабилизировались... К концу августа внимание общественности переключилось с проблем экономики на персону Гэри Кондита – калифорнийского конгрессмена, чьи весьма двусмысленные и неохотные показания по поводу пропавшей девушки стали главной темой вечерних новостей. Андреа практически не выходила в эфир с репортажами о событиях в мире, и я помню, насколько невероятным мне это казалось – неужели на Земле и вправду все настолько замечательно, что интерес телевизионщиков вызывают лишь внутренние политические скандалы? Что касается ФРС, в тот период у нас не было других забот, кроме дальнейшего снижения процентных ставок.

После 11 сентября отчеты и данные, поступающие из федеральных резервных банков, коренным образом изменились. Федеральная резервная система включает в себя 12 банков, распределенных по всей стране. Они кредитуют коммерческие банки в своих регионах и регулируют их деятельность. Кроме того, федеральные резервные банки – это лакмусовая бумажка американской экономики. Их сотрудники находятся в постоянном контакте с местными банкирами и предпринимателями, и получаемая ими информация

об объемах заказов и продаж опережает официальные данные как минимум на месяц.

Так вот, по данным федеральных резервных банков, люди перестали покупать то, что не было связано с подготовкой к новым атакам террористов. Резко возросли продажи продовольственных товаров, средств обеспечения безопасности и бутилированной воды. Выросли объемы страхования. В секторах же пассажирских перевозок, туризма и развлечений, в гостиничном бизнесе и секторе корпоративных и деловых мероприятий наметился спад. Было очевидно, что прекращение воздушного сообщения отрицательно скажется на поставках свежих овощей с западного побережья на восточное, но никто не ожидал, что негативный эффект проявится так быстро в других отраслях. Например, поток автомобильных комплектующих из Виндзора (провинция Онтарио, Канада) на заводы Детройта застыл на речной переправе между двумя городами, что сыграло не последнюю роль в решении Ford Motor временно закрыть пять предприятий. Производители уже не первый год работали по методу «точно вовремя», т. е. вместо создания на своих складах запасов полагались на своевременную доставку важных деталей воздушным транспортом. Закрытие воздушного пространства и ужесточение процедур пограничного контроля привели к появлению перебоев, узких мест и срыву производственных графиков.

Тем временем американское правительство развило кипу-

чую деятельность. В пятницу 14 сентября конгресс одобрил выделение из бюджета \$40 млрд на финансирование чрезвычайной программы по борьбе с терроризмом. Одновременно он разрешил президенту применять военную силу в отношении тех «государств, организаций и лиц», которые причастны к нападению на США. Президент Буш обратился к нации с речью, которая может войти в историю как наиболее знаменательное выступление за весь период его правления. «Америка стала мишенью атаки, потому что она – светоч свободы и равных возможностей для всего мира, – заявил он. – ...И никому не погасить его». Рейтинг популярности Буша сразу же вырос до 86 %, а заявленный политический курс единодушно поддержали и республиканцы, и демократы, хотя такое единодушие было непродолжительным. Капитолийский холм буквально захлестнула волна предложений о том, как преодолеть последствия катастрофы. Предлагались планы выделения значительных средств на поддержку системы авиаперевозок, индустрии туризма и отдыха. Многие говорили о расширении налоговых льгот для различных отраслей в целях привлечения капиталовложений. Активно обсуждалась тема страхования от риска террористических актов – механизмы подобного страхования и роль государства в нем.

Я считал, что в первую очередь нужно было восстановить воздушное сообщение и ликвидировать связанные с его прекращением негативные последствия (конгресс довольно быстро принял закон о выделении \$15 млрд на восста-

новление воздушных перевозок). В остальном я уделял мало внимания кипевшим дебатам. Меня интересовала более общая картина произошедшего, которая до сих пор представлялась туманной. Я был уверен, что широкомасштабные, поспешные и дорогостоящие меры не дадут желаемого результата. В периоды общенациональных катаклизмов каждый конгрессмен считает своим долгом выдвинуть какой-нибудь «судьбоносный» законопроект. Президенты тоже чувствуют потребность в активных действиях. В спешке часто принимаются недальновидные, малоэффективные, а то и ошибочные решения, подобные нормированию продажи бензина, которое было введено по инициативе президента Никсона во время нефтяного эмбарго ОПЕК в 1973 году. (Результат известен: длинные очереди на автозаправках той осенью в некоторых районах страны.) За 14 лет пребывания на посту председателя ФРС я был свидетелем преодоления множества экономических кризисов, включая крупнейший в истории крах фондового рынка, произошедший в течение одного дня, буквально через пять недель после моего вступления в должность. Мы пережили бум и последующий обвал на рынке недвижимости в 1980-е годы, кризис ссудо-сберегательных ассоциаций, финансовые потрясения в странах Азии, не говоря уже об экономическом спаде 1990 года. Мы наблюдали самый продолжительный в истории подъем фондового рынка, за которым последовал крах интернет-компаний. Эти события привели меня к выводу,

что самое большое преимущество американской экономики заключается в ее жизненной силе – в ее способности преодолевать кризисы и самовосстанавливаться, зачастую такими путями и темпами, которые невозможно предугадать, а тем более контролировать. Но в нынешних ужасных обстоятельствах действительно могло произойти все что угодно.

Я считал, что необходимо выждать, пока не прояснятся реальные последствия трагедии 11 сентября. Именно об этом я и заявил на встрече с конгрессменами в офисе спикера палаты представителей днем 19 сентября. На встрече, кроме меня, присутствовали сам спикер Деннис Хастерт, лидер меньшинства в палате представителей Дик Гепхардт, лидер сенатского большинства Трент Лотт, лидер сенатского меньшинства Том Дэшл, бывший министр финансов в администрации Клинтона Боб Рубин и советник Белого дома по вопросам экономики Ларри Линдсей. Совещание проходило в обычном конференц-зале рядом с кабинетом Хастерта в здании палаты представителей. Законодатели хотели заслушать Линдсея, Рубина и меня по поводу оценки экономических последствий теракта. Обсуждение было очень серьезным, без театральных эффектов (помнится, я тогда подумал, что именно так и должно работать правительство).

Линдсей сказал, что, поскольку удар террористов был направлен на подрыв доверия к Америке, наилучшим ответом могло бы стать снижение налогов. Он и другие присутствовавшие предлагали как можно скорее осуществить влива-

ние в экономику порядка \$100 млрд. Эта сумма сама по себе не вызвала беспокойства – она не превышала 1 % ВВП страны. Однако я возразил, что мы пока не знаем, много это или мало. Действительно, авиаперевозки и индустрия туризма серьезно пострадали, и газеты пестрели историями об увольнениях. Однако уже в понедельник, 17 сентября, возобновила свою работу Нью-Йоркская фондовая биржа, расположенная в трех кварталах от места трагедии. Это событие представлялось весьма важным, поскольку свидетельствовало о постепенной нормализации обстановки. Оно ярко контрастировало с общей картиной, которую мы, в ФРС, пытались составить. Кроме того, восстановилась система расчетов по чекам, а фондовый рынок не демонстрировал признаков обвала – просто произошло некоторое снижение цен, которые затем стабилизировались. Это говорило о том, что большинство компаний не испытывали серьезных проблем. Я предложил продолжить проработку вариантов действий и встретиться через две недели, когда у нас будет более полная информация.

Ту же мысль я озвучил на следующее утро в ходе публичных слушаний в Банковском комитете сената и призвал занять выжидательную позицию. В частности, я сказал: «В настоящий момент никто не в силах четко просчитать все последствия трагедии 11 сентября. Но через несколько недель, когда пройдет первый шок, мы сможем более трезво оценить ситуацию и составить прогноз на ближайшую перспективу».

Я также подчеркнул жизнеспособность американского общества: «За последние пару десятилетий экономика США стала более устойчивой к потрясениям. Либерализация финансовых рынков, повышение гибкости рынка труда и недавние достижения в сфере информационных технологий укрепили нашу способность противостоять ударам и возвращаться к нормальной жизни».

По правде говоря, в определенном смысле это была «хорошая мина при плохой игре». Как и большинство членов правительства, я не сомневался в возможности новых атак террористов. Публично высказывать эти опасения никто не решался, однако об их существовании говорило единодушие при голосовании в сенате – 98 против 0 в поддержку силовых методов борьбы с терроризмом, 100 против 0 в поддержку законопроекта об усилении мер безопасности на воздушном транспорте. Особое беспокойство вызывала у меня проблема оружия массового поражения (в том числе ядерного), которое могло быть похищено из советских арсеналов в хаосе после распада СССР. Не исключал я и возможности заражения наших водоемов. Тем не менее в официальных выступлениях я звучал довольно оптимистично. Мои опасения, выскажи я их на публике, могли напугать участников рынка до полусмерти. Однако я не считал, что поступаю неправильно: мои высказывания позволяли людям надеяться на лучшее.

В конце сентября появились первые по-настоящему достоверные данные. Обычно наиболее ранним индикатором

состояния экономики является число первичных заявок на пособие по безработице (соответствующую статистику еженедельно предоставляет Министерство труда). По итогам третьей недели сентября число таких заявок достигло 450 000, что на 13 % превышало уровень конца августа. Этот показатель подтвердил масштабы и серьезность проблемы массовых увольнений, о которых регулярно сообщалось в теленовостях. Я представлял себе тысячи работников, оставшихся без средств к существованию и не знающих, как обеспечить себя и свои семьи. У меня появились сомнения в том, что наша экономика сумеет быстро оправиться. Удар оказался слишком тяжелым даже для такой гибкой системы, как американская.

Наряду с другими аналитиками экономисты ФРС оценивали поступающие предложения по выделению средств и снижению налогов и прикидывали, во что они выливаются. В каждом случае мы старались свести воедино все детали, чтобы определить общий объем необходимых средств. Удивительно, но все варианты укладывались приблизительно в \$100 млрд, т. е. именно в ту сумму, которую назвал Ларри Линдсей.

В среду, 3 октября, мы вновь собрались в конференц-зале офиса Хастерта, чтобы обсудить ситуацию в экономике. За прошедшую неделю число первичных заявок на пособие по безработице опять выросло: за пособиями обратились еще 517 000 человек. Решение к тому моменту у меня

уже созрело. Я по-прежнему не исключал возможности новых нападений террористов, однако их потенциальные масштабы и меры противодействия никто назвать не мог. Поэтому я предложил собравшимся сосредоточиться на устранении того ущерба, который мы способны оценить, и добавил, что время для ограниченного стимулирования экономики пришло. Стоимость необходимого пакета мер оценивалась в \$100 млрд – этого достаточно для поддержки, но не должно привести к чрезмерному стимулированию экономики и росту процентных ставок. Законодатели, похоже, с этим согласились.

Я отправился домой в тот вечер в уверенности, что моя забота сводилась лишь к поддержке общего мнения, поскольку сумму в \$100 млрд впервые предложил Ларри. Каково же было мое удивление, когда я прочел в прессе о результатах этого заседания! Ситуация преподносилась так, словно первую скрипку играл именно я¹. С одной стороны, мне приятно было узнать, что конгресс и администрация президента прислушиваются к моему мнению. Однако в целом такое освещение событий несколько выбило меня из колеи. Я всегда неуютно чувствовал себя в роли «командующего

¹ Журнал *Time*, например, писал 15 октября 2001 года: «Своим выступлением Гринспен дал законодателям зеленый свет, которого они давно ждали... Белый дом и лидеры обеих партий согласились с тем, что объем дополнительных ассигнований и налоговых льгот должен составить около 1 % ВВП страны, что эффект не заставит себя ждать, а рост дефицита бюджета не приведет к немедленному повышению долгосрочных процентных ставок».

парадом». С первых дней своей карьеры я видел себя лишь экспертом за кадром, исполнителем приказов, а не лидером. Только в 1987 году, во время обвала фондового рынка, я свыкся с необходимостью принятия ключевых политических решений. Однако и по сей день мне становится не по себе, когда я оказываюсь в центре внимания. В общем, меня нельзя причислить к категории экстравертов.

По иронии судьбы, несмотря на приписываемую мне силу убеждения, в последующие недели события развивались совершенно не так, как я ожидал. Ожидание нового нападения террористов стало одной из самых серьезных ошибок, когда-либо допущенных мною. «Ограниченного стимулирования экономики», которому я якобы дал зеленый свет, так и не произошло. План забуксовал по причине политических разногласий и в итоге заглох. Тот пакет мер, который приняли в конце концов в марте 2002 года, не только запоздал на несколько месяцев, но и не имел никакого отношения к национальному благосостоянию. Это был набор сомнительных популистских проектов.

Однако экономика страны сама справилась с кризисом. В ноябре падение промышленного производства прекратилось. В декабре экономика снова была на подъеме, а количество первичных заявок на пособие по безработице снизилось и затем вернулось к досентябрьскому уровню. В этом была определенная заслуга и нашего ведомства, но в целом мы не сделали ничего нового по сравнению с тем, чем за-

нимались до 11 сентября, – мы просто снизили процентные ставки, облегчив привлечение кредитов и финансирование расходов.

Разумеется, я был очень рад, что мои худшие опасения не сбылись. Удивительно быстрое восстановление экономики после трагедии 11 сентября подтверждало чрезвычайно важную вещь: высочайшую жизнеспособность американского общества. Мои оптимистические заявления, с которыми я выступил перед Банковским комитетом сената, оказались абсолютно справедливыми. Всего через несколько недель после катастрофы жизнь населения и работа предприятий вошли в нормальную колею. «В чем же причина столь поразительной гибкости экономической системы?» – спрашивал я себя.

Экономисты пытаются найти ответ на этот вопрос еще со времен Адама Смита. Нам кажется, что разобраться в современной глобализированной экономике почти невозможно. Но ведь Смит в свое время создал экономическую науку практически с нуля, пытаясь осмыслить механизмы развития рынков XVIII столетия. Мне, конечно, далеко до Адама Смита, но и я хотел бы понять природу тех сил, которые определяют облик нашей эпохи.

Эту книгу в определенном смысле можно считать детективом. После трагедии 11 сентября я окончательно убедился в том, что мы живем в новом мире – мире глобализированной капиталистической экономики, намного более гиб-

кой, жизнеспособной, открытой, адаптивной и динамичной, чем та, которая существовала всего четверть века назад. Этот мир открывает перед человеком колоссальные, неизвестные ранее возможности, но выдвигает совершенно новые требования. Книга «Эпоха потрясений» – попытка понять природу нового мира: его истоки, сущность и перспективы. Мои представления излагаются в ней в контексте событий, свидетелем и участником которых я был. Сделано это, с одной стороны, из чувства ответственности перед историей, а с другой – из-за желания показать читателю, кто я такой и откуда пришел. Вот почему книга состоит из двух частей: первая посвящена формированию моей личности, а вторая – концептуальной основе понимания новой глобальной экономики. Я рассматриваю важнейшие элементы этой развивающейся глобальной среды: принципы управления, восходящие к эпохе Просвещения; энергетическую инфраструктуру; глобальные финансовые дисбалансы и коренные изменения мировой демографической ситуации, создающие угрозу дальнейшему развитию; обеспокоенность по поводу справедливости распределения результатов. В заключение я пытаюсь представить, каким будет характер мировой экономики в кажущемся сегодня далеком 2030 году.

Не буду утверждать, что знаю ответы на все вопросы. Но мое положение в Федеральной резервной системе США позволяло мне знакомиться с самыми блестящими идеями и мнениями по широчайшему кругу вопросов. У меня был

доступ к академической литературе по множеству проблем, с которыми я и мои коллеги имели дело изо дня в день. Без помощи сотрудников ФРС я бы не смог совладать с таким объемом академических работ, среди которых встречались и исключительно глубокие, и исключительно занудные. При работе над книгой у меня была возможность получать отзывы экономистов ФРС о последних трудах и трудах, представляющих исторический интерес. Мне в кратчайшие сроки предоставляли подробные аналитические отчеты по любым темам – от новых математических моделей оценки риск-нейтральности до статистики по колледжам Среднего Запада, созданным на выделенные государством средства. Таким образом, у меня не было недостатка в материалах для проверки самых смелых теорий.

Наш мир постепенно меняется под воздействием глобальных сил, которые порою почти незаметны. Наиболее очевидными для большинства из нас являются изменения повседневной жизни, связанные с появлением сотовых телефонов, персональных и карманных компьютеров, электронной почты и Интернета. Исследования электронных свойств кремния после Второй мировой войны привели к созданию микропроцессоров, а сочетание достижений в сферах волоконной оптики, лазеров и космических технологий кардинальным образом изменило наши коммуникационные возможности. В итоге жизнь людей на планете – от городка Пекин, штат Иллинойс, до города Пекин, столицы КНР, – ста-

ла другой. Значительная часть населения Земли получила доступ к технологиям, которые я, начиная свою профессиональную карьеру в 1948 году, не мог даже представить себе. Они не только упростили и удешевили коммуникацию между людьми, но и кардинально изменили мир финансов, расширили наши возможности по превращению сбережений в инвестиции (ключевой фактор стремительного развития глобализации и процветания).

После Второй мировой войны тарифные барьеры начали постепенно понижаться. Это произошло на фоне повсеместного осознания того факта, что довоенная политика протекционизма привела к сокращению объемов торговли. Ликвидация международного разделения труда привела к спаду мировой экономической активности. Послевоенная либерализация торговли способствовала появлению новых источников дешевых товаров. В сочетании с новыми финансовыми институтами и продуктами (которые стали возможными благодаря полупроводниковым технологиям) она послужила толчком к формированию глобального рынка даже в период холодной войны. В последовавшие 25 лет глобальная капиталистическая система с ее свободным рынком смогла обуздать инфляцию и снизить процентные ставки до уровня менее 10 %.

Однако поворотным моментом в истории стало падение Берлинской стены в 1989 году. Оно обнажило ужасающее состояние экономики за железным занавесом, кото-

рое поразило даже наиболее осведомленных западных экономистов. Система централизованного планирования показала свою полную несостоятельность, а интервенционистская экономическая политика западных демократий потеряла свою привлекательность. На смену им в большинстве регионов мира естественным образом пришел рыночный капитализм. Вопрос централизованного планирования был снят с повестки дня. Каких-либо заявлений по этому поводу никто не делал – его просто перестали обсуждать практически во всем мире, за исключением Кубы и Северной Кореи.

По пути рыночного капитализма, после неразберихи переходного периода, пошли не только участники бывшего советского блока, но и большинство стран третьего мира. Они хотя и сохраняли нейтралитет в холодной войне, но ориентировались на централизованное планирование или на мало отличающееся от него жесткое регулирование экономики. Коммунистический Китай, который начал свой путь к рыночному капитализму еще в 1978 году, ускорил перемещение своей рабочей силы (которая насчитывала тогда свыше 500 млн человек) в район свободных экономических зон в дельте реки Сицзян.

Изменения в отношении Китая к защите прав собственности иностранцев были незаметными, однако в итоге они привели к буму прямых иностранных инвестиций после 1991 года. Если в 1980 году их объем составлял всего \$57 млн, то в 1991 году они достигли \$4 млрд. Впоследствии объ-

ем прямых иностранных инвестиций в среднем увеличивался на 21 % в год и достиг в 2006 году \$70 млрд. Приток капиталовложений в сочетании с избытком дешевой рабочей силы стал причиной снижения уровня заработной платы и цен в развитых странах. А до этого так называемые «азиатские тигры», особенно Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань, показали, как с помощью современных технологий и экспорта продукции в страны Запада повысить уровень жизни собственного населения.

Темпы экономического роста этих и многих других развивающихся государств существенно превысили темпы роста в прочих регионах мира. В итоге доля развивающихся стран в совокупном мировом ВВП значительно увеличилась, что вызвало далеко идущие последствия. Уровень сбережений населения в таких государствах всегда был намного выше, чем в промышленно развитых державах. В определенной мере это объясняется слабостью систем социальной защиты и, как следствие, стремлением граждан отложить побольше на черный день. Есть и другие причины. Например, меньшая склонность людей к тратам из-за отсутствия развитой культуры потребления. Повышение доли развивающихся стран в мировом ВВП после 2001 года привело к тому, что совокупный рост сбережений в мире значительно опередил планируемый прирост инвестиций. Рыночные процессы, обеспечивающие уравнивание объемов общемировых сбережений и инвестиций, вызвали существенное снижение ре-

альных процентных ставок (т. е. номинальных процентных ставок, скорректированных с учетом инфляционных ожиданий). Иными словами, денежная масса, требующая доходных вложений, росла быстрее, чем спрос на инвестиции.

Избыток сбережений в сочетании с углублением глобализации, повышением производительности за счет новых технологий и переходом трудовых ресурсов из систем с плановой экономикой на конкурентные рынки вызвал снижение как реальных, так и номинальных процентных ставок и привел к замедлению темпов инфляции во всех развитых и в подавляющем большинстве развивающихся стран. Именно поэтому годовые показатели инфляции практически во всех государствах сейчас не превышают 10 % (единственными заметными исключениями являются Венесуэла, Зимбабве и Иран). Подобная ситуация наблюдалась, пожалуй, только в тридцатые годы прошлого века после отмены золотого стандарта и введения в оборот необеспеченных (бумажных) денег. Весьма примечательно, что все эти факторы проявились почти одновременно, в начале XXI века. Главной причиной стабильного сокращения инфляции и снижения долгосрочных процентных ставок была вовсе не денежно-кредитная политика центральных банков. Однако центральные банки способствовали усилению благоприятного эффекта глобальных изменений в мировой финансовой системе. Вместе с тем по причинам, на которых я остановлюсь далее, ни один из вышеуказанных факторов не может носить

постоянный характер. В мире, где правят бумажные деньги, обуздать инфляцию крайне сложно.

Снижение реальных долгосрочных процентных ставок, наблюдавшееся последние двадцать лет, связано с ростом отношения «цена/прибыль» для акций, недвижимости, да и вообще любых доходных активов. С 1985 по 2006 год рыночная стоимость общемировых активов опережала по темпам роста мировой ВВП (исключением стали 2001 и 2002 годы). В результате произошло значительное увеличение общемировой ликвидности. Цены акций и облигаций, жилой и коммерческой недвижимости, предметов искусства и многих других активов резко выросли. Во многих развитых странах домовладельцы получили возможность использовать возросшую стоимость жилья для финансирования покупок, которые иначе они вряд ли смогли позволить себе. Растущая покупательная способность населения, особенно в Соединенных Штатах, покрывала значительную часть экспорта из стремительно богатеющих развивающихся стран. В конце 2006 года журнал *Economist* писал: «Начиная с 2000 года годовой темп роста мирового ВВП на душу населения держится на уровне 3,2 %. В случае его сохранения текущее десятилетие может стать самым благоприятным в истории всемирной экономики. Нынешние темпы развития способны побить рекорды идилических 1950-х и 1960-х годов. Судя по всему, рыночный капитализм, который сейчас правит бал в мире, неплохо справляется со своими задачами». В це-

лом происходящие события не могут не вселять оптимизм. Произошедшее за последнюю четверть века восстановление открытых рынков и свободной торговли позволило сотням миллионов людей во многих странах забыть о нищете. Безусловно, в мире еще немало бедных, однако значительная часть населения развивающихся государств получила возможность насладиться плодами финансового благополучия, ранее считавшегося прерогативой исключительно так называемых «развитых стран».

Историю последней четверти века можно считать историей возвращения могущества рыночного капитализма. Он отступил в результате спада 1930-х годов и растущего вмешательства государства в экономику в 1960-х годах, однако в 1970-е он вновь начал набирать силу и сейчас в той или иной мере присутствует практически во всех регионах мира. Усиление роли коммерческого права и особенно защиты прав собственности способствовало всеобщему росту предпринимательской активности. Это, в свою очередь, привело к возникновению институтов, которые в настоящее время незаметно управляют множеством аспектов человеческой деятельности. Мы получили своего рода международный вариант той «невидимой руки», о которой писал Адам Смит.

Как следствие, государственное регулирование повседневной жизни граждан ослабело – рыночные механизмы постепенно вытеснили ряд важных функций государства.

Многие ограничения коммерческой деятельности исчезли. В первые годы после Второй мировой войны международные потоки капитала жестко контролировались, а валютные курсы устанавливались по усмотрению министров финансов. Централизованное планирование было широко распространено как в развивающихся, так и в развитых странах, включая пережитки более раннего государственно-монополистического регулирования (дирижизма), до сих пор существующие в Европе. Тогда считалось аксиомой, что эффективное функционирование рынка невозможно без вмешательства государства.

В середине 1970-х годов на заседаниях Комитета по экономической политике ОЭСР (в него входили представители 24 стран) только Ханс Титмайер из Западной Германии и я настаивали на проведении рыночной экономической политики. В тот период мы были в абсолютном меньшинстве. Следует отметить, что во времена Великой депрессии 1930-х годов модель Адама Смита перестала работать и на смену ей пришла теория великого английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Он предложил весьма элегантное математическое обоснование причин стагнации мировой экономики, а также разработал методику ее быстрого оздоровления путем дефицитного бюджетного финансирования. Кейнсианская идея необходимости вмешательства государства в экономическую деятельность безраздельно господствовала среди специалистов в середине 1970-х годов. Комитет

по экономической политике практически единодушно считал, что рыночный механизм формирования зарплат и цен сам по себе неэффективен и ненадежен, поэтому должен дополняться «политикой регулирования доходов». Форма реализации такой политики в каждой стране была своей, однако в общем она предусматривала правила ведения переговоров об уровне заработной платы между руководством предприятий и профсоюзами, которые в те годы были значительно более многочисленными и влиятельными, чем сейчас. Эти правила считались добровольными и не предполагали тотального контроля за уровнем зарплат и цен. Однако они подкреплялись инструментами регулирования, с помощью которых правительство воздействовало на нарушителей. Если политика проваливалась, вводился официальный контроль зарплат и цен. Именно так поступил президент Никсон в 1971 году. Его решение, не принесшее ожидаемых результатов, хотя и весьма популярное изначально, стало одним из последних примеров интервенционизма в развитых странах в послевоенные годы.

Еще во времена учебы меня восхищала стройность теории функционирования рынков со свободной конкуренцией. Шесть десятилетий спустя я увидел, как эта теория работает (хотя и не всегда). Мне посчастливилось общаться со всеми виднейшими деятелями экономики прошлого поколения, у меня был неограниченный доступ к количественной и качественной информации о мировых экономических

тенденциях. Волей-неволей я начал делать обобщения на основе собственного опыта и еще более укрепился в мысли о благотворном эффекте свободной рыночной экономики. В самом деле, за исключением нескольких неоднозначных ситуаций я не могу назвать ни одного случая, когда усиление роли коммерческого права и защиты прав собственности не приводило к улучшению материального благополучия.

Тем не менее в мире не утихают споры о том, насколько справедливо распределяются плоды свободной конкуренции. На протяжении этой книги я неоднократно подчеркиваю неоднозначность отношения людей к рыночным силам. Конкуренция сама по себе – довольно жесткая вещь, поскольку она порождает победителей и проигравших. В книге сделана попытка проанализировать коллизии, связанные с быстрым изменением глобализированной экономики и неизменностью природы человека. Борьба этих противоположных начал обусловила, с одной стороны, экономические успехи последней четверти прошлого века, а с другой стороны, стала причиной тревог и озабоченности.

К сожалению, мы редко задумываемся о существовании основного субъекта экономической деятельности – человека. Кто мы? Какие качества, заложенные в нас от природы, не меняются ни при каких обстоятельствах? Насколько мы свободны в выборе образа действий и путей познания мира? Я пытаюсь найти ответы на эти вопросы с тех самых пор, как впервые сформулировал их.

За 60 лет я объехал весь мир и не раз убеждался в том, что люди во многом схожи друг с другом. Это сходство невозможно объяснить ни культурными, историческими или языковыми причинами, ни простой случайностью. Все люди от рождения стремятся заслужить уважение к себе, т. е. заслужить одобрение окружающих. Именно это стремление определяет, на что мы тратим наши деньги. Именно оно побуждает людей работать на заводах и в офисах бок о бок друг с другом, хотя уже не за горами времена, когда технические возможности позволят трудиться индивидуально в киберпространстве. В каждом человеке заложена потребность взаимодействовать с другими людьми, потребность получать одобрение со стороны. Истинные отшельники – редкое исключение. Уважение формируется на основе множества благоприобретенных или осознанно выбранных ценностей, которые люди, обоснованно или необоснованно, считают обогащающими их жизнь. Мы не можем существовать без набора внутренних ценностей, помогающих нам принимать каждодневные решения. Но если потребность в ценностях дана нам с рождения, то их содержание – нет. Эта потребность вытекает из присущего каждому человеку чувства морали, которое побуждало массы искать жизненные ориентиры в многочисленных религиозных учениях на протяжении тысячелетней истории человечества. Частью врожденного морального кодекса являются понятия справедливости и порядочности. Каждый человек

вкладывает в понятие справедливости свой смысл, но людей, лишенных внутренней потребности в ее оценке, не существует. Именно эта внутренняя потребность является основой для создания законов, которые регулируют жизнь общества. Именно на ее основе мы судим об ответственности человека за свои поступки.

Экономисты должны хорошо понимать человеческую природу, особенно такие ее проявления, как стремление к богатству и страх. Стремление к богатству – это торжество жизни. Жизнь должна быть приятной, иначе она теряет смысл. К сожалению, стремление к богатству иногда заставляет людей выходить за пределы допустимого. Когда реальность оказывается слишком жестокой, стремление к богатству сменяется страхом. Страх – это реакция человека на угрозу для самого глубинного из наших внутренних чувств: нашего желания жить. Страх лежит в основе многих наших экономических действий, например в основе неприятия риска, которое ограничивает готовность вкладывать средства и вести коммерческую деятельность вдали от дома. В своем крайнем проявлении страх заставляет нас уходить с рынков, что становится причиной падения экономической активности.

Один из ключевых аспектов человеческой природы – уровень интеллекта, от которого напрямую зависит, насколько успешно мы сможем обеспечивать себя. Как отмечено в конце этой книги, даже в наиболее развитых в техноло-

гическом отношении странах часовая производительность в среднем повышается не более чем на 3 % в год (наблюдения проводились на протяжении длительного периода). Видимо, это и есть максимальная скорость, с которой инновации способны обеспечивать улучшение уровня жизни. Ожидать большего, судя по всему, вряд ли стоит.

В новом мире существует немало причин для страха, включая разрушение многих непоколебимых ранее устоев индивидуальности и безопасности. В тех сферах, где ситуация меняется особенно быстро, больше всего беспокоят усиливающиеся диспропорции в распределении доходов. Мы, воистину, живем в эпоху потрясений, и было бы неблагодарно и аморально занижать цену, в которую они обходятся человечеству. В условиях углубляющейся интеграции глобальной экономики граждане мира оказываются перед выбором: воспользоваться преимуществами свободного рынка и открытого общества для избавления миллионов людей от нищеты, продолжать развитие цивилизации в направлении лучшей, более содержательной жизни, сохраняя при этом фундаментальные права и свободы, или же отказаться от этих возможностей и погрузиться в пучину межэтнической и межплеменной вражды, увлечься популизмом, трайбализмом и прочими «измами», к которым за неимением лучших средств апеллируют сообщества, чья самобытность оказывается под угрозой. Грядущие десятилетия готовят нам немало трудностей, и только от нас самих зависит,

сможем ли мы их преодолеть. Например, для американцев сейчас очень важно создать условия для притока в страну квалифицированной рабочей силы и провести реформу образования. Кроме того, необходимо предотвратить надвигающийся кризис программы Medicare. К этим вопросам я еще вернусь в конце книги. Главная мысль последней главы заключается в том, что, несмотря на несовершенство человеческой природы, мы стойко выдерживаем испытания и движемся вперед вовсе не случайно. Это качество – часть нашей сущности. Вот почему я на протяжении десятилетий смотрю в будущее с оптимизмом.

1. Мальчишка из большого города

Если спуститься в подземку в западной части Манхэттена и проехать на север, минуя Таймс-сквер, Центральный парк и Гарлем, вы окажетесь в Вашингтон-хайтс – районе, где прошло мое детство. Он находится на противоположном по отношению к Уолл-стрит конце острова, неподалеку от того места, где Петер Минуит, по преданию, купил у индейцев Манхэттен за 24 доллара (сейчас на этом месте установлен памятный камень).

Наш квартал был застроен по большей части невысокими кирпичными домами, в которых жили еврейские иммигранты, прибывшие в США перед Первой мировой войной, а также выходцы из Ирландии и Германии. Мои предки по отцовской и материнской линии – Гринспены и Голдсмиты – приехали в страну на рубеже XIX–XX веков: Гринспены из Румынии, а Голдсмиты из Венгрии. Большинство проживавших в районе семей, включая нашу, относились к среднему классу, в отличие от еврейской бедноты Нижнего Ист-сайда. Даже в самые тяжелые годы Великой депрессии, когда я учился в начальной школе, мы не ограничивали себя в питании. Если кто-то из наших родственников и терпел лишения, то я во всяком случае ничего об этом не знал. Более того, мне выдавали деньги на карманные расходы – по 25 центов в неделю.

Я родился в 1926 году и был единственным ребенком в семье. Отца моего звали Герберт, а мать – Роуз. Они расстались вскоре после моего рождения, когда я был слишком мал, чтобы осознать произошедшее. После развода отец вернулся к своим родителям в Бруклин, где он вырос. Впоследствии у него появилась новая семья. Я остался с матерью, которая меня и воспитала. Хотя к моменту развода ей исполнилось всего 26 и она была очень привлекательна, мать взяла свою девичью фамилию и больше замуж не выходила. Она получила место продавца в мебельном магазине Ludwig Baumann в Бронксе и умудрилась не потерять его даже в период Великой депрессии. Именно благодаря матери нам удалось сводить концы с концами.

Роуз была младшей из пятерых детей в семье, и мы не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны родственников. Мои кузены и кузины, дяди и тети всегда играли большую роль в нашей жизни, что отчасти компенсировало мне отсутствие отца, родных братьев и сестер. Некоторое время мы с матерью жили у бабушки с дедушкой – Натана и Анны. Семейство Голдсмитов отличалось жизнерадостностью и склонностью к музыке. Мой дядя Марри, пианист, умел играть с листа самые сложные музыкальные произведения. Сменив имя на Марио Сильва, он занялся шоу-бизнесом и в соавторстве написал бродвейский мюзикл «Песнь любви» о жизни композитора Роберта Шумана. Впоследствии дядя переехал в Голливуд, где на основе этого мю-

зикла был снят одноименный фильм с Кэтрин Хепберн и Полом Хенрейдом в главных ролях. Мои родственники довольно регулярно собирались вместе. Дядя Марри играл, а мать пела – она обладала звучным контральто и любила подражать бродвейской певице и актрисе Хелен Морган, известной исполнительнице популярных песенок типа «И все же я люблю его». В целом же мать вела тихий образ жизни, в центре которой была семья. Она отличалась оптимизмом, уравновешенностью и не слишком высокими интеллектуальными запросами. Из печатных изданий она читала лишь газету *Daily News*; в нашей гостиной центральное место занимали не книжные полки, а кабинетный рояль.

Мой двоюродный брат Уэсли, который был старше меня на четыре года, во многом заменял мне родного брата. В начале 1930-х его родители снимали на лето дом неподалеку от океана, в районе Эджмир в южной части Куинса. Мы с Уэсли часто бродили по пляжам в поисках оброненных монет. Даже в разгар Великой депрессии люди не переставали ходить на пляж и терять деньги. С той поры я постоянно смотрю под ноги при ходьбе. Тем, кто спрашивает, зачем, я обычно отвечаю: «Деньги ищу...»

Отца мне все же не хватало. Примерно раз в месяц я садился в метро и ехал в Бруклин навестить его. Он был брокером на Уолл-стрит (или, как говорили в те годы, «представителем клиентов») и работал с мелкими, ныне давно забытыми, компаниями. Отец был стройным, красивым мужчиной,

он хорошо одевался и немного походил на актера Джина Келли. По-настоящему больших денег у него никогда не водилось. В его общении со мной чувствовалась неловкость, которая невольно передавалась и мне. В 1935 году, когда я был девятилетним мальчишкой, он написал книгу «Конец кризиса» (Recovery Ahead!), которую посвятил мне. В ней говорилось о том, что Новый курс президента Рузвельта приведет к оздоровлению американской экономики. Отец торжественно вручил мне экземпляр с такой надписью:

«Моему сыну Алану

Пусть эта книга, написанная с неотступной мыслью о тебе, станет прологом бесконечной череды твоих работ. Надеюсь, наступит время, когда ты, оглядываясь назад и стараясь проникнуть в сказанное, сможешь понять логику моих прогнозов и задумаешься о создании собственного труда, подобного этому. Папа».

В бытность председателем ФРС я иногда показывал эти строки своим собеседникам. Реакция на них была неизменной: все приходило к выводу, что способность к туманным выступлениям перед конгрессом передалась мне по наследству. Однако в девять лет я совершенно не понял отцовских слов. Повертев книгу в руках, я с трудом осилил несколько страниц и надолго отложил ее в сторону.

Наверное, от отца мне досталась и способность к математическим вычислениям. Когда я был еще совсем маленьким,

мать любила в присутствии родственников спросить меня: «Алан, а сколько будет тридцать пять плюс девяносто два?» И я давал правильный ответ. Потом мы переходили к сложению трехзначных чисел, потом к умножению и так далее. Несмотря на ранний «венец математической славы», я был довольно застенчивым мальчиком. И если мать нередко играла роль звезды на семейных вечеринках, то я предпочитал отсиживаться в уголке.

В девятилетнем возрасте я стал завзятым бейсбольным болельщиком. Стадион Polo Grounds находился буквально в нескольких минутах ходьбы от дома, и ребята из нашего квартала частенько пробирались туда бесплатно, чтобы посмотреть на игру команды Giants. Но я болел за Yankees, а до их стадиона нужно было ехать на метро, поэтому о матчах с участием Yankees я узнавал в основном из газет. Регулярная радиотрансляция матчей началась в Нью-Йорке только в 1939 году, но чемпионат World Series 1936 все же транслировался, и я разработал собственную систему учета результатов игр. На листочках зеленого цвета (мне нравилась именно зеленая бумага) я записывал ход каждой игры, подачу за подачей, используя условные символы собственного изобретения. Моя память, которая до тех пор практически не использовалась, начала наполняться бейсбольной статистикой. Даже сегодня я могу воспроизвести схему расположения игроков Yankees, назвать их позиции и среднюю результативность в этом чемпионате. Чемпионат World Series

1936 стал дебютом Джо Димаджио (в том сезоне его результативность составила 0,323), а Yankees выиграли у Giants со счетом 4: 2. Определяя среднюю результативность, я научился переводить простые дроби в десятичные: 3 на 11 дают 0,273; 5 на 13 – 0,385; 7 на 22 – 0,318. Однако моя практика не выходила за пределы 4/10, поскольку мало кто из бэттеров демонстрировал показатели выше 0,400.

Мне хотелось и самому стать бейсболистом. Я неплохо играл в дворовых командах – у меня определенно были задатки игрока первой базы (левша с хорошей реакцией и подвижностью). Когда мне исполнилось 14 лет, один из более взрослых парней (возможно, ему было 18) сказал: «Если будешь и дальше так играть, то вполне можешь попасть в высшую лигу». Нужно ли говорить, как приятно было слышать такие слова? Но моя карьера в бейсболе на этом завершилась. После того сезона мне уже не везло. Я достиг своего предела в 14.

Помимо бейсбола я увлекался азбукой Морзе. В конце 1930-х годов в моде были вестерны, и мы бежали в кинотеатр, чтобы за 25 центов насладиться очередными приключениями отважного ковбоя Хопалонга Кэссида. Однако в этих фильмах меня больше всего привлекали персонажи телеграфистов. В критический момент они могли мгновенно вызвать помощь или предупредить о готовящемся набеге индейцев (конечно, если телеграфная линия не была перерезанной). Более того, работа телеграфиста казалась своего рода

искусством. Опытный оператор передавал 40–50 слов в минуту, а его коллега на другом конце провода не просто принимал сообщение, но по особенностям ритма и звука определял, кто именно с ним на связи: «Узнаю, узнаю... Это же старина Джо выстукивает!» Мы с приятелем Херби Хоумзом раздобыли телеграфный аппарат с двумя ключами и начали практиковаться в передаче и приеме сообщений. Наша скорость, конечно, была черепашьей, но причастность к тайне азбуки Морзе наполняла мою душу трепетом. Нечто похожее я испытал много лет спустя, когда появилась возможность напрямую общаться через спутник связи с главами центральных банков других стран.

Втайне я мечтал уехать из Нью-Йорка. Иногда по ночам я крутил ручку настройки радиоприемника, пытаюсь поймать далекие станции. В 11 лет я начал коллекционировать железнодорожные расписания со всей страны. Я мог часами заучивать маршруты и названия городов, находящихся в 48 штатах. Воображение рисовало увлекательные картины – вот я еду по Великой северной железной дороге по бескрайним равнинам Миннесоты, Северной Дакоты и Монтаны с остановками в Фарго, Майноте и Хавре, а затем двигаюсь дальше, через континентальный водораздел...

Однажды, когда мне было 13, отец предложил поехать с ним в командировку в Чикаго. Мы отправились на Пенсильванский вокзал и сели в Broadway Limited – главный поезд Пенсильванской железной дороги. Миновав Филадель-

фию, поезд повернул на запад, проследовал через Гаррисберг и Алтуну и уже ночью прибыл в Питтсбург. В темноте за окном проплывали огромные сталеплавильные печи, изрыгающие пламя и искры – так я впервые столкнулся с металлургией, которая впоследствии стала моей специальностью. В Чикаго я фотографировал местные достопримечательности вроде водонапорной башни, улицы Лэйк-шордрайв, а вернувшись домой, проявил отснятую пленку (фотография также входила в число моих увлечений). Эта поездка укрепила мое стремление к жизни более интересной и насыщенной, чем жизнь обычного мальчишки из Вашингтон-хайтс. Но я ни с кем не делился своими мечтами. Мать знала о моем пристрастии к коллекционированию железнодорожных расписаний, но она не догадывалась о том, что эти таблицы с названиями станций значили для меня. С их помощью я пытался убежать из ее мира.

А еще моей страстью была музыка. В двенадцатилетнем возрасте я услышал, как играет на кларнете моя двоюродная сестра Клэр, и стал с упоением осваивать этот инструмент, занимаясь от трех до шести часов каждый день. Вначале я разучивал только классические композиции, но очень скоро переключился на джаз. Один из моих приятелей, у которого был патефон, как-то раз пригласил меня к себе и поставил пластинку с записью «Пой, пой, пой» в исполнении Бенни Гудмана с оркестром. Я сразу же влюбился в джаз.

Это была выдающаяся эпоха в развитии музыки. Гудман,

Арти Шоу и Флетчер Хендерсон стали основателями принципиально нового стиля биг-бенд, совместившего в себе танцевальные ритмы 1920-х годов с элементами регтайма, спиричуэлсов, блюза и европейской музыки. Это направление приобрело такую популярность, что в 1938 году оркестр Гудмана получил приглашение выступить в Карнеги-холле, где прежде исполнялись исключительно произведения классиков. Кроме кларнета я учился играть на саксофоне – он казался мне самым ярким инструментом биг-бенда.

Одним из моих кумиров тех лет был Гленн Миллер. В состав его оркестра входили кларнет, два альтовых и два теноровых саксофона, что придавало джазовым композициям особое бархатистое звучание. В 1941 году мне довелось побывать на выступлении знаменитого оркестра в отеле Pennsylvania. Пробравшись к эстраде, я оказался буквально в нескольких метрах от самого Гленна Миллера. Когда музыканты начали играть Шестую симфонию Чайковского в танцевальной аранжировке, я выпалил: «Это же “Патетическая”!» Миллер посмотрел на меня с уважением: «Ну ты даешь, парень!»

Средняя школа Джорджа Вашингтона, находившаяся в полутора милях от нашего дома, считалась одной из самых больших и престижных в Нью-Йорке. Когда я поступил в нее осенью 1940 года, она была рассчитана на три тысячи человек (включая вечернее отделение), однако в действительности учащихся было намного больше. Тех, кто жил за преде-

лами района, принимали на конкурсной основе, причем отбор проводился весьма жестко. Причиной в определенной мере была Великая депрессия – большинство из нас могли рассчитывать в жизни только на самих себя, и мы понимали, что для достижения результата нужно упорно трудиться^[1]. В то время уже явно ощущались признаки надвигающейся войны, хотя до Перл-Харбора оставалось больше года. Нацистская Германия захватила всю Западную Европу, а по радио потоком шли сообщения о судах, потопленных в Атлантике немецкими подводными лодками, и транслировались репортажи Эдварда Марроу о налетах люфтваффе на Лондон.

Приближение войны чувствовалось еще и по количеству беженцев среди учеников нашей школы. В основном это были дети из еврейских семей, укrywшихся в США от преследований нацистов. Когда я поступил в школу Джорджа Вашингтона, ее заканчивал Генри Киссинджер, с которым мы познакомились лишь три десятилетия спустя. На занятия по математике вместе со мной ходил венгерский мальчик-беженец Джон Кемени, впоследствии ставший помощником Эйнштейна, одним из авторов языка программирования BASIC (совместно с Томасом Куртцем) и президентом Дартмутского колледжа. Джон приехал в Америку незадолго до нашего знакомства и говорил по-английски с заметным акцентом, но в математике он был необыкновенно силен. Меня очень интересовало, откуда у него такие способ-

ности и не являются ли они результатом того образования, которое он получил в Венгрии. Однажды я спросил Джона: «Ты так хорошо знаешь математику, потому что приехал из Европы?» Мне ужасно хотелось, чтобы ответ был утвердительным. Это означало бы, что его превосходство не следствие таланта и что я могу добиться таких же успехов путем усердных занятий. Однако мой вопрос, по-видимому, озадачил его. Джон пожал плечами и ответил: «Так ведь... все мы из Европы».

Учился я неровно, хотя и довольно старательно. Когда мне удавалось сосредоточиться на учебе, результаты оказывались неплохими, особенно в математике. Но в тех дисциплинах, которые не представляли для меня интереса, мои успехи были посредственными, поскольку бейсбол и музыка отнимали слишком много времени. Постепенно занятия музыкой стали приобретать все большее значение для меня. Помимо прочего, они приносили мне деньги – я играл в танцевальных оркестрах, и по выходным мог заработать порядка 10 долларов за пару выступлений.

Я очень хорошо помню тот день, когда японцы нанесли удар по Перл-Харбору. Занимаясь на кларнете в своей комнате, я в перерыве включил радио и услышал сообщение о нападении. Как и большинство окружающих, я понятия не имел, где находится Перл-Харбор. У меня и мысли не было, что это начало войны. Я надеялся, что скоро все утрясется. В пятнадцатилетнем возрасте любые проблемы, кро-

ме личных, кажутся далекими и малозначительными.

Однако не замечать войну было невозможно. Уже весной ввели распределение продуктов по карточкам, а большинство ребят отправлялись в армию сразу же после окончания школы, едва достигнув восемнадцати. Летом 1942 года в составе оркестра из шести музыкантов я отправился работать в один из курортных отелей в горах Катскилл. Молодежи среди отдыхающих практически не было, преобладали люди среднего и пожилого возраста. Настроение у всех было подавленное. Всю весну американский флот стремительно терял позиции на Тихом океане, и даже после решающей победы США у атолла Мидуэй цензура действовала настолько жестко, что реальное положение дел оставалось для обывателей неизвестным. Так или иначе, особого оптимизма в обществе не ощущалось.

Окончив школу в июне 1943 года, я даже не собирался поступать в колледж. В марте 1944-го мне исполнилось 18 лет, и оставшееся время до призыва в армию я хотел посвятить музыке. Поэтому я продолжал играть в небольших ансамблях и записался в Джуллиардскую музыкальную школу, где начал брать уроки кларнета, фортепиано и композиции. Если у меня и были какие-то планы на будущее, то они не шли дальше возможного зачисления на службу в военный оркестр.

Весной 1944 года мне прислали повестку. До медицинской комиссии пришлось долго ехать на метро в южную

часть Манхэттена, в Бэттери-парк. Она находилась в бывшем здании таможни – огромном строении со скульптурами, фресками и высокими гулкими сводами, где сотни юношей моего возраста толпились в очередях к специалистам. Все шло нормально, пока мне не сделали рентгеноскопию легких. Через некоторое время после этой процедуры меня позвал к столу сержант и сказал: «Слушай, у тебя в легком обнаружили затемнение. Активная форма или нет, неизвестно». С этими словами он протянул мне какие-то бумаги и назвал адрес врача-фтизиатра, к которому я должен был прийти на прием и затем сообщить результат в комиссию. На следующий день специалист осмотрел меня, но и он не смог поставить точный диагноз. «Придется понаблюдать тебя с годик», – сказал врач. В общем, меня признали непригодным к военной службе.

Я ужасно расстроился. Все служили в армии, и я чувствовал себя неполноценным. Кроме того, меня начал одолевать страх – а вдруг это и вправду что-нибудь серьезное? Однако я не находил у себя тревожных симптомов вроде затрудненного дыхания, хотя при игре на кларнете и саксофоне они обязательно проявились бы. Затемнение на снимке все же нельзя было сбрасывать со счетов. Помню, как несколькими днями позже, сидя с подругой на поросшем травой склоне холма и глядя на мост Джорджа Вашингтона, я произнес: «Если у меня действительно туберкулез, моя песенка спета».

Из мрачного состояния мне помог выйти преподаватель

игры на саксофоне Билл Шейнер. Это был один из легендарных наставников многих джазовых музыкантов. Следуя собственной методике, он объединял учеников в небольшие группы в составе четырех-пяти саксофонов и кларнета и предлагал им сочинить что-нибудь самостоятельно. В моей группе со мною рядом сидел пятнадцатилетний паренек по имени Стэнли Гетц. Сегодня историки джаза ставят его в один ряд с Майлсом Дэвисом и Джоном Колтрэйном. Предлагать мне угнаться за Стэнли было все равно что предлагать таперу из коктейль-бара посостязаться в исполнении арпеджио с Моцартом. Мы с Гетцем неплохо ладили, но когда он начинал играть, я мог лишь застыть в немом восторге. Иногда при встрече с одаренным человеком видишь, что надо делать для достижения таких же результатов, и надеешься, что тебе удастся повторить их. Но есть таланты от рождения, сравняться с которыми невозможно. Стэн Гетц относился ко второй категории, и я инстинктивно чувствовал, что никогда не научусь играть так, как он.

Все же занятия у Шейнера помогли мне намного лучше освоить саксофон, что свидетельствует о несомненном педагогическом даровании моего наставника. Когда я сказал Шейнеру, что меня признали негодным к военной службе, он лишь расхохотался в ответ и сказал: «Ну что ж, теперь никто не помешает тебе найти работу!» И сообщил, что в оркестре Генри Джерома есть вакансия.

Оркестр Генри Джерома, состоявший из четырнадцати

музыкантов, был довольно известен на восточном побережье. После прослушивания меня приняли, и с этого момента моя жизнь кардинально изменилась. Если проводить аналогию с бейсболом, то в высшую лигу я еще не попал, но в команду класса AAA меня уже зачислили. Это была настоящая профессиональная деятельность, предполагавшая уплату профсоюзных взносов и позволявшая мне зарабатывать неплохие по тогдашним меркам деньги. Половина выступлений проходила в городе, а остальное время мы гастролировали по восточным штатам. Именно тогда я впервые начал самостоятельно выезжать за пределы Нью-Йорка.

Оркестр Генри Джерома – один из передовых джазовых коллективов тех лет – был самым лучшим из всех, в которых мне довелось играть. Впоследствии он обрел собственный стиль исполнения, сочетавший элементы традиционного биг-бенда и бибопа Чарли Паркера и Диззи Гиллеспи. Хотя оркестр Джерома так и не снискал неувядающей славы, многие из моих тогдашних коллег и наших преемников сделали блестящую карьеру. Например, тромбонист Джонни Мандел уехал в Голливуд, написал известный шлягер «Тень твоей улыбки» и музыку к сериалу «Чертова служба в госпитале МЭШ», получил «Оскар» и четыре премии «Грэмми». Барабанщик Стэн Леви выступал вместе с Чарли Паркером. Ларри Риверс стал прославленным художником, мастером поп-арта, а мой коллега-саксофонист Ленни Гармент – юридическим консультантом президента Никсона.

В 1944 году, когда в войне произошел перелом, наш музыкальный стиль был весьма популярен. В течение последующих 16 месяцев мы выступали в таких известных местах, как «Голубая комната» нью-йоркского отеля Lincoln и ресторан Child's Paramount на Таймс-сквер. Танцевальные мелодии в исполнении нашего оркестра звучали на площадках Вирджиния-Бич (неподалеку от города Ньюпорт-Ньюс), где аудитория состояла в основном из семей судостроителей и военных моряков. Во время концертов в театрах мы иногда делили гонорар с другими эстрадными исполнителями – детскими танцевальными коллективами, готовившимися к съемкам в Голливуде, и певцами, которые приобрели известность еще в эпоху расцвета Эла Джолсона. Весь декабрь 1944 года мы провели в Новом Орлеане, выступая в отеле Roosevelt. До этого я еще никогда не уезжал так далеко от дома. Однажды вечером у реки меня поразил вид проходившего буквально над головой танкера. Тогда я отчетливо осознал, насколько ниже уровня моря расположен Новый Орлеан. Когда в 2005 году ураган «Катрина» разрушил систему дамб, я сразу представил себе масштабы катастрофы.

Играя в оркестре, музыканты соблюдали установленное профсоюзом правило: сорок минут на сцене и двадцать минут отдыха. Больше всего я любил именно эти сорок минут на эстраде – ощущения от игры в составе первоклассного оркестра несопоставимы с тем, что вы слышите из зала. Звуки и обертоны наплывают со всех сторон, ритм прони-

зывает каждую клетку тела, партии отдельных инструментов сливаются воедино. Для солистов это фундамент выражения их мировосприятия. Я боготворил великих импровизаторов, таких как Бенни Гудман и Арти Шоу, но сам не особо стремился стать солистом. Меня вполне устраивала роль рядового оркестранта, исполняющего то, что написали другие.

В нашем коллективе я приобрел репутацию интеллектуала. С музыкантами у меня сложились хорошие отношения (я составлял для всех налоговые декларации), но их образ жизни не совпадал с моим. В перерывах между выходами на сцену многие участники нашего оркестра исчезали в артистическом фойе, которое быстро наполнялось запахом табака и марихуаны. Я же в двадцатиминутные перерывы читал. За вечер мне удавалось выкроить на чтение около часа. Литература, которую я брал в Нью-Йоркской публичной библиотеке, не слишком соответствовала образу молодого саксофониста. Не знаю, чем это объяснить, то ли работой моего отца на Уолл-стрит, то ли собственной склонностью к математике, но уже в ту пору меня интересовали бизнес и финансы. Одна из первых прочитанных мною книг на эту тему была посвящена британскому фондовому рынку – меня совершенно очаровали экзотические термины этой сферы вроде «обыкновенных акций». Я прочел «Воспоминания биржевого спекулянта» (Reminiscences of a Stock Operator) Эдвина Лефевра о жизни знаменитого фондового игрока 1920-х годов Джесси Ливермора, получившего прозвище Юный

Хват с Уолл-стрит. Говорили, что накануне биржевого краха 1929 года он заработал \$100 млн, играя на понижение. Ливермор трижды становился баснословно богатым и трижды разорялся, прежде чем в 1940 году покончил с собой. Он был великим знатоком человеческой природы, и книга о нем – настоящий кладезь инвестиционной мудрости. В ней можно найти массу блестящих афоризмов, например: «Быки делают деньги. Медведи делают деньги. Кабаны идут под нож».

Кроме того, я читал все, что только мог найти о Джоне Моргане. Этот человек не только участвовал в создании компаний U.S. Steel и General Electric, не только занимался объединением железных дорог, но и играл ключевую роль в обеспечении стабильности финансовой системы США до появления Федеральной резервной системы. Меня потрясли размеры его состояния. Когда незадолго до начала Первой мировой войны конгресс решил раздробить империю Моргана, под его контролем находилось свыше \$20 млрд. Но еще большее впечатление на меня произвели личные качества Моргана: общеизвестно, что его слово было надежнее любых бумаг, а в 1907 году именно он благодаря личному влиянию на банкиров предотвратил финансовый кризис, который мог привести к экономическому краху всей страны^[2].

Эти истории значили для меня не меньше, чем железнодорожные расписания в свое время. Уолл-стрит представлялась сказочной страной, куда я хотел бы попасть после того,

как объёду страну.

С приближением конца войны открылись новые перспективы. В 1944 году был принят Закон о льготах демобилизованным, и возвращавшиеся с войны ветераны снова садились за школьные парты. Постепенно я стал более оптимистично смотреть в будущее: периодические осмотры у фтизиатра показывали, что затемнение в легких не увеличивается.

Я не был уверен, что добьюсь успеха в области финансов. Когда осенью 1945 года я поступил в Школу коммерции, бухгалтерского учета и финансов Нью-Йоркского университета, меня тревожила мысль о возможных проблемах с успеваемостью после двухлетнего перерыва в учебе. Все лето я штудировал книги, по которым предстояло заниматься. Как ни странно, в первом семестре у меня было всего две четверки, а по остальным предметам – пятерки. После этого я получал только отличные оценки. Вообще, в колледже я учился намного лучше, чем в школе Джорджа Вашингтона.

Школа коммерции была самым крупным и непрестижным отделением Нью-Йоркского университета – в ней училось десять тысяч студентов, и ее считали скорее профессиональным училищем, а не настоящим колледжем. Наш декан однажды назвал ее «образовательной фабрикой». Однако, на мой взгляд, такое мнение было несправедливым. Школа коммерции дала мне очень хорошее образование. Программа обучения включала в себя довольно обширный набор общеоб-

разовательных предметов и специальных дисциплин, таких как бухгалтерский учет, основы экономики, управление коммерческими предприятиями, банковское дело и финансы. У меня проявилась склонность к предметам, связанным с логикой и цифрами. Помимо прочего я начал изучать высшую математику. Экономика увлекла меня с самого начала: динамика спроса и предложения, концепция рыночного равновесия, история развития международной торговли – все это пробуждало во мне живейший интерес.

В первые годы после Второй мировой войны экономическая наука переживала период расцвета, почти так же, как и ядерная физика. У ее популярности было две причины. Во-первых, никто не сомневался, что именно американская экономика, регулируемая правительством, стала фундаментом победы союзников в войне. Во-вторых, буквально на наших глазах возникали принципиально новые экономические институты и формировался новый экономический порядок. В июле 1944 года в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гэмпшир) состоялась конференция руководителей западных государств, на которой было принято решение о создании Международного валютного фонда и Всемирного банка. Это решение ознаменовало, как выразился Генри Моргентау, «конец эпохи экономического национализма» – лидеры признали, что для устойчивого развития мировой экономики необходимо снизить торговые и финансовые барьеры между странами и что ключевую роль в этом процессе должны сыграть

промышленно развитые государства.

Теоретические основы данной концепции заложил великий английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Его известнейшая работа «Общая теория занятости, процента и денег» послужила научным фундаментом Нового курса президента Рузвельта и стала настольной книгой всех наших студентов. В этой работе Кейнс изложил основные принципы науки, известной ныне как макроэкономика. Согласно его доктрине нерегулируемое развитие свободного рынка не всегда идет на благо общества, и в периоды катастрофического роста безработицы (как, например, во времена Великой депрессии) необходимо активное вмешательство государства в экономику.

Трудно представить идею, способную сильнее взволновать юные умы. В Школе коммерции вместе со мной учился Роберт Кавеш – ныне почетный профессор экономики Нью-Йоркского университета, который недавно в интервью ВВС так охарактеризовал общий настрой студентов-экономистов конца 1940-х годов: «Нас объединяло ощущение того, что в экономике наступил перелом и мы находимся в авангарде происходящих перемен. В те времена любой, кто изучал экономику, считал недопустимым повторение серьезных депрессий. Депрессия 1930-х годов привела к развязыванию Второй мировой войны, и нас переполняла решимость не допустить подобное впредь. Трудно было найти студента, на которого не повлияла бы идея демократической

партии и Джона Мейнарда Кейнса о том, что государство может и должно играть ведущую роль в управлении экономикой».

Боб и большинство моих однокашников были убежденными кейнсианцами, но я не разделял их точку зрения. Я прочел «Общую теорию» дважды и считаю эту книгу выдающимся творением. Однако в работе Кейнса меня привлекали не столько взгляды на экономическую политику, сколько математические нововведения и структурный анализ. Я по-прежнему оставался «рядовым оркестрантом» и предпочитал заниматься техническими задачами, а не углубляться в глобальные проблемы. Вопросы экономической политики в целом меня мало интересовали.

Мы с Бобом любили классическую музыку. Когда в перерывах между занятиями мы прогуливались по парку Вашингтон-сквер и глазели на девушек, то он, то я начинал насвистывать что-нибудь из Моцарта, а потом спрашивал: «Ну, из какого это произведения?» Хотя к тому времени я уже не занимался музыкой профессионально, она продолжала составлять важную часть моей жизни – я пел в любительском хоре, играл в оркестре на кларнете и участвовал в создании клуба под названием «Симфоническое общество», участники которого собирались раз в неделю для прослушивания записей и обсуждения музыкальных тем.

Но моей подлинной страстью все же была математика. Преподаватели любят прилежных студентов, и мое усердие

не осталось незамеченным. Свою первую оплачиваемую работу в качестве экономиста я получил летом по окончании второго курса. Однажды преподаватель статистики Джеффри Мур, позднее возглавивший Бюро статистики Министерства труда при президенте Никсоне, вызвал меня к себе и предложил встретиться с Юджином Бэнксом, партнером Brown Brothers Harriman, одного из старейших, крупнейших и престижнейших инвестиционных банков Нью-Йорка. Аверелл Гарриман, легендарный государственный деятель, был его главным партнером до перехода на работу в аппарат президента Рузвельта. Прескотт Буш – отец Джорджа Буша-старшего и дед Джорджа Буша-младшего – был партнером Brown Brothers Harriman до и после своей деятельности на посту сенатора США. Банк находился на Уолл-стрит рядом с фондовой биржей, и тем утром во время встречи с господином Бэнксом я впервые оказался на этой «заповедной территории». Кабинеты с позолоченными потолками, бюро с выдвигаемыми крышками, толстые ковры на полу вызывали благоговение у мальчишки из Вашингтон-хайтс, попавшего в святая святых финансового мира.

Джин Бэнкс – стройный человек не старше сорока, с негромким голосом и приятными манерами – занимался обработкой экономической информации, представляющей интерес для банка. Будничным тоном он объяснил мне мою задачу: недельная сезонная корректировка статистических данных ФРС по динамике продаж универмагов. По существу

требовалась уточненная версия месячных статистических сводок, выпускаемых правительством. Сегодня для выполнения такой работы достаточно ввести в компьютер несколько команд. Но в 1947 году для подготовки подобных отчетов требовалось наложение наборов статистических данных друг на друга с использованием карандаша, бумаги, логарифмической линейки и арифмометра.

Каких-либо подробных указаний от Бэнкса не последовало, что вполне меня устраивало. Я отправился в библиотеку Школы коммерции и занялся изучением пособий и статей из профессиональных журналов, чтобы овладеть методами составления недельных сезонных корректировок. Затем, после получения исходных данных, я приступил к работе и лишь изредка консультировался с Бэнксом. Мне приходилось проделывать гигантскую работу, вручную проводя вычисления и вычерчивая графики, но на протяжении следующих двух месяцев я успешно с нею справлялся. Бэнкс остался очень доволен результатом, да и я за это время многому научился. Мне стали понятны не только цели составления сезонных корректировок, но и общие принципы организации данных и подготовки выводов.

Следующей весной я окончил Школу коммерции. К тому времени у меня созрело твердое решение остаться в Нью-Йоркском университете и получить степень магистра на вечернем отделении. Однако мне была нужна работа. Я получил два предложения: из рекламного агентства и из Совета

национальной промышленной конференции, где один из моих преподавателей занимал должность главного экономиста. Хотя в рекламном агентстве предлагали больше, чем в Совете конференции (\$60 в неделю против \$45), я выбрал второй вариант в надежде приобрести там хороший опыт. Совет национальной промышленной конференции – частная организация, которую финансировали крупнейшие компании. Она появилась в 1916 году как группа по представлению интересов клиентов, однако в 1920-е годы ее основной деятельностью стало проведение всесторонних экономических исследований, которые, как предполагалось, должны были облегчить поиск компромиссов между предпринимателями и профсоюзными лидерами. В числе клиентов Совета национальной промышленной конференции было свыше 200 компаний, включая General Electric, International Harvester, Brown Brothers Harriman и Youngstown Sheet & Tube. Долгие годы Совет являлся самым сильным негосударственным центром исследования рынков. Именно его экономисты разработали в 1913 году концепцию индекса потребительских цен, именно он впервые занялся изучением проблем безопасности труда и занятости женщин. Иногда информация Совета оказывалась более точной, чем правительственные данные. Во времена Великой депрессии Совет национальной промышленной конференции был первоисточником сведений об уровне безработицы.

В 1948 году, когда я начал трудиться в этой организации,

она занимала целый этаж в здании на Парк-авеню возле Центрального вокзала. В кабинетах царила оживленная деловая атмосфера: десятки аналитиков корпели за длинными рядами столов, а в специальном зале чертежники на высоких табуретах за кульманами строили сложные графики и таблицы. Для меня самым притягательным местом стала библиотека. Я обнаружил, что Совет конференции обладал бесценной информацией по всем основным секторам американской экономики как минимум за последние 50 лет. На многоярусных стеллажах стояли книги, в которых объяснялись принципы функционирования различных отраслей. Эта коллекция литературы охватывала все аспекты экономической деятельности – от горного дела до розничной торговли, от текстильной промышленности до металлургической, от рекламы до импортно-экспортных операций. Я наткнулся там, например, на увесистый том под названием «Хлопок и его потребление» – годовой аналитический обзор Национального совета по хлопку с подробнейшей характеристикой ситуации в мировой хлопковой промышленности. В этом документе можно было найти информацию обо всех видах и сортах хлопка, их использовании, а также о самом современном оборудовании, технологиях и объемах производства отрасли.

В библиотеке с ее стеллажами негде было разместиться, и я, нагрузившись литературой, возвращался к своему рабочему столу. На многих книгах лежал толстый слой пыли, ко-

торуя приходилось сдвигать. Распределением исследовательских проектов ведал главный экономист, мой бывший преподаватель. Уже через несколько месяцев за мной закрепилась репутация человека, знавшего все. В известном смысле так оно и было – я стремился в полной мере овладеть той информацией, которая хранилась на библиотечных полках. Я читал о баронах-разбойниках, часами просиживал над материалами переписи населения 1890 года, выяснял грузоподъемность товарных вагонов минувшей эпохи, анализировал динамику цен на коротковолокнистый хлопок в период после Гражданской войны и изучал массу других деталей, связанных с многообразной структурой американской экономики. Эти занятия не казались мне скучными – совсем наоборот. Вместо того чтобы открыть томик «Унесенных ветром», я с огромным интересом углублялся в отчет «Медно-рудные месторождения Чили».

Почти сразу же я начал публиковаться в *Business Record*, ежемесячнике Совета национальной промышленной конференции. Моя первая статья, посвященная прибыльности малых предприятий, основывалась на самых свежих статистических данных Федеральной торговой комиссии и Комиссии по ценным бумагам и биржам. В своем обзоре я с присущей молодости уверенностью заявлял: «Поскольку деятельность малых предприятий может по праву считаться барометром циклических изменений, анализ текущих и долгосрочных тенденций в сфере мелкого бизнеса представляет

особый интерес».

В последующие годы масштабы моей писательской деятельности расширились. Какой-то журналист прочел одну из моих работ и не только написал о ней в *New York Times*, но даже упомянул мое имя. После получения степени магистра в Нью-Йоркском университете я продолжал регулярно публиковать статьи на актуальные экономические темы – об объемах жилищного строительства, о ситуации на рынке новых автомобилей, о развитии потребительского кредитования и т. п. Постепенно я обретал уверенность в своей способности обобщать данные и делать на их основе выводы. Я оставил глобальные экономические проблемы кейнсианцам, а сам углубился в познание структуры отдельных отраслей экономики и механизмов их взаимодействия.

В Левиттаун я впервые попал в рождественские каникулы 1950 года. К тому времени я был наслышан о молодоженах, стремящихся воплотить в жизнь американскую мечту о собственном загородном коттедже. Сам я жил в многоквартирном доме на шумном Манхэттене, и безмятежная атмосфера Левиттауна произвела на меня незабываемое впечатление. Дома там не отличались размерами, но зато имели дворики с газонами, на широких улицах не было ни одного многоэтажного здания в пределах видимости. Домик там можно было купить всего за \$8000. Поистине, это место казалось райским уголком.

Меня пригласил на ужин приятель по колледжу Тилфорд Гейнз, который работал тогда помощником вице-президента Федерального резервного банка Нью-Йорка. Он только что переехал в Левиттаун вместе с женой Рут и маленькой дочкой Пэм. Помимо меня у Гейнса гостил его коллега Пол Волкер – 23-летний здоровяк ростом под два метра, выпускник Принстона, недавно пришедший работать в банк.

До сих пор я помню тот вечер в мельчайших деталях. Непринужденно болтая, мы сидели в уютной гостиной перед пылающим камином (да-да, в доме имелся настоящий камин!). Настроение у всех было отличное, что можно считать характерным не только для той встречи, но и вообще для того периода нашей жизни. Экономика США занимала лидирующее положение в мире и не имела себе равных. Американские заводы по сборке автомобилей являлись предметом зависти всех прочих стран (я сам приехал в Левиттаун на новеньком синем автомобиле марки Plymouth, купленном на гонорары за мои работы). Нашим текстильным и сталелитейным компаниям не приходилось бороться с импортерами. После Второй мировой войны Америка располагала самыми высококвалифицированными кадрами, а принятие Закона о льготах демобилизованным способствовало стремительному росту образовательного уровня.

И все же в те декабрьские дни мы уже начинали осознавать новую страшную угрозу, нависшую над миром. Еще полтора года назад, когда Советский Союз провел пер-

вое испытание атомной бомбы, возможность ядерной конфронтации казалась совершенно абстрактной. Однако чем сильнее разгоралась холодная война, тем явственнее ощущалась опасность. Уже разразился шпионский скандал с участием Элджера Хисса, которого обвинили в даче ложных показаний. Уже Джозеф Маккарти выступил с известным заявлением о том, что у него имеется список 205 коммунистов, работающих в Государственном департаменте. Уже американские войска сражались в Корее в рамках так называемой «полицейской акции», которая побудила Пентагон вновь укомплектовать сухопутные и авиационные части, расформированные после войны. Нам оставалось только гадать, во что это все может вылиться.

Осенью я поступил в докторантуру Колумбийского университета – даже в те годы сделать карьеру экономиста, не имея ученой степени, было довольно сложно. Работу над диссертацией я совмещал с проведением исследований для Совета национальной промышленной конференции. Моим научным руководителем в докторантуре был профессор Артур Бернс. Помимо преподавания в университете, он работал старшим научным сотрудником в Национальном бюро экономических исследований, которое тогда находилось в Нью-Йорке. Эта организация и поныне является крупнейшим в США независимым экономико-исследовательским центром. В 1930-е годы Бюро совместно с правительством разработало структуру счетов национального до-

хода – всестороннюю систему учета, впервые позволившую с достаточной точностью оценить объем валового внутреннего продукта. В период подготовки к войне эта система помогла спланировать масштабы оборонного производства и рассчитать оптимальные нормы обеспечения гражданского населения. Кроме того, Национальное бюро экономических исследований было признанным авторитетом в области мониторинга циклов деловой активности. Аналитики этой организации до сих пор определяют официальные даты начала и окончания экономических спадов.

Артур Бернс был классическим добродушным ученым с неизменной трубкой во рту. Он оказал большое влияние на методiku исследований экономических циклов – его фундаментальный труд, написанный в соавторстве с Уэсли Митчеллом и опубликованный в 1946 году, стал образцовым анализом циклов деловой активности в США в период с 1854 по 1938 год. В силу приверженности Бернса к эмпирическим доказательствам и методам дедуктивной логики его точка зрения часто не совпадала с общепринятой.

Бернс любил инициировать дискуссии среди своих студентов. Однажды на занятии, посвященном негативному воздействию инфляции на уровень национального благосостояния, он спросил, прохаживаясь по аудитории: «А что, собственно говоря, порождает инфляцию?» Никто из нас не мог ответить на этот вопрос. Профессор выпустил несколько клубов дыма из своей трубки, вынул ее изо рта

и многозначительно произнес: «Чрезмерные правительственные расходы – вот что порождает инфляцию!»

Бернс был непохож на других преподавателей. Именно он помог мне поверить в то, что когда-нибудь я научусь понимать и прогнозировать глобальные экономические процессы. В 1951 году я записался на курс математической статистики – прикладной дисциплины, исходящей из того, что внутренние процессы и взаимосвязи в экономике можно изучать, оценивать, моделировать и анализировать с помощью математических методов. Сегодня эта наука называется эконометрика, но в те годы она представляла собой лишь совокупность общих концепций и не имела даже названия, не говоря уже об учебниках. Преподавал ее Джейкоб Вулфовиц, с сыном которого Полом я встречался в годы его работы в администрации Буша-младшего и на посту президента Всемирного банка. На занятиях профессор Вулфовиц часто писал на доске уравнения, а нам раздавал их копии, размноженные на мимеографе. Я сразу понял, каким мощным инструментом является новая наука: если экономические процессы достоверно смоделировать на базе фактов и математического аппарата, то мы получим возможность составления развернутых прогнозов на более надежной основе, чем квазинаучная интуиция многочисленных экспертов-экономистов. Я начал усиленно размышлять о перспективах практического применения новых методов. Но самое главное – в 25 лет я открыл для себя ту пока еще малоизу-

ченную сферу, в которой мог добиться успеха.

Позднее я научился выстраивать масштабные эконометрические модели и смог более глубоко понять возможности их применения, а главное – их ограничения. В современных условиях экономические системы развиваются слишком быстро, чтобы уследить за всеми движущими факторами. Когда-то, на заре фотографии, для создания качественного изображения требовалось, чтобы объект длительное время оставался неподвижным, иначе фото получалось размытым. То же самое можно сказать и об эконометрике. Для получения обоснованного прогноза в формальную эконометрическую модель вносят коррективы с учетом субъективных оценочных факторов. На профессиональном языке это называется «экспертная оценка в эконометрическом моделировании». Зачастую правильность экспертной оценки более важна для прогнозирования, чем непосредственные результаты используемых уравнений.

Но если формальные эконометрические модели имеют столь низкую прогностическую достоверность, то зачем вообще они нужны? Самое меньшее, что они позволяют, – это применять к набору допущений национальные стандарты экономического учета. Кроме того, моделирование, безусловно, способствует эффективному использованию той скудной информации, которую можно считать правильной. Чем конкретнее задача, чем больше исходных данных, тем выше эффективность модели. Я всегда говорил, что на-

бор детальных оценок за последний квартал намного ценнее для обеспечения достоверности прогноза, чем самая сложная модель.

Тем не менее разработка модели также имеет большое значение. Нельзя создать абстрактную модель на пустом месте (я, например, не могу сделать этого). Для нее необходимы реальные факты. Любые абстракции должны на что-то опираться, и строятся они, так или иначе, на базе эмпирических наблюдений. Вот почему я пытаюсь собрать все возможные сведения, имеющие отношение к интересующему событию. Чем подробнее эти сведения, тем лучше абстрактная модель будет отражать объективную реальность, которую мы изучаем.

Еще в молодости я стремился как можно детальнее изучить функционирование той или иной частички мира, чтобы затем на этой основе понять, как ведет себя целый сегмент. Такой подход помогал мне на протяжении всей жизни. Каждый раз, перелистывая свои первые статьи, я испытываю чувство глубокой ностальгии. Тот мир, о котором в них идет речь, был устроен намного проще, но методы анализа, которые я применял, остаются актуальными и сегодня.

2. Как я стал экономистом

Я часто работал при включенном радио. В 1950–1951 годах основной темой выпусков новостей была ситуация в Корее: ожесточенные бои с китайцами и отставка генерала Маккартура за публичные призывы к широкомасштабной войне с КНР. Внутри страны внимание концентрировалось на переносе испытаний атомного оружия из Нью-Мексико в Неваду и на кампании против «красной угрозы» – в 1951 году супруги Розенберг приговорили за шпионаж к казни на электрическом стуле. Среди этого водоворота событий ничто так не будоражило мое воображение, как наступление ядерного века. В те времена уже начали рассекречивать некоторые материалы исследований, проводившихся в период Второй мировой войны, и в свободное время я с головой уходил в чтение литературы по ядерной физике. Первая прочитанная мной книга на эту тему называлась «Атомная энергия» (Sourcebook on Atomic Energy) – внушительный фолиант, содержащий открытые сведения по предмету. Позже я переключился на книги по астрономии, общей физике и философии науки.

Как и многие люди с научным складом ума, я был уверен, что овладение секретами атомной энергии станет самым значительным прорывом нашей эпохи. Это чувство отчасти компенсировало страх перед угрозой ядерной войны.

Развитие науки сулило самые заманчивые перспективы. Покорение атома наделяло человечество неслыханным могуществом и открывало поистине безграничные возможности, но требовало нового мышления.

Из прочитанных книг я узнал, что некоторые из ученых, работавших над Манхэттенским проектом, были сторонниками философского течения, известного как «логический позитивизм» (одно из направлений эмпиризма). Это течение, основоположником которого был Людвиг Витгенштейн, признавало единственно возможным средством научного познания факты и цифры, ставя во главу угла строгое доказательство. Логический позитивизм отрицал существование абсолютных норм морали, считая нравственные ценности и поведенческие стереотипы не более чем атрибутом культуры. Эти понятия лежали за пределами формальной логики, а их содержание было настолько неопределенным, что не могло являться предметом серьезного научного исследования.

Сидевший во мне математик с энтузиазмом воспринял эту апологию непогрешимости аналитического метода. Данная концепция казалась максимально соответствующей требованиям эпохи. Насколько лучше стал бы мир, думал я, если бы наука сосредоточилась исключительно на «познании познаваемого», к чему как раз и призывал логический позитивизм.

К 1952 году я усиленно трудился над докторской диссер-

тацией по экономике и зарабатывал более \$6000 в год. Среди моих друзей и коллег не было по-настоящему богатых людей, и этой суммы мне с лихвой хватало на удовлетворение всех потребностей. Вместе с матерью мы переехали в пригород, правда не в Левиттаун, а в Форест-Хиллз в Куинсе. Наш новый дом, рассчитанный на две семьи, находился в зеленом районе неподалеку от станции пригородных поездов. Наконец-то я смог вырваться из сутолоки мегаполиса! Это событие стало для меня очень большим шагом вперед.

Если бы тогда мне сказали, что вскоре в моей жизни начнется самый запутанный и бурный этап, я вряд ли поверил этому. Однако в последующие два года я успел жениться и развестись, оставить работу над диссертацией, уволиться с должности, открыть собственное дело... и полностью пересмотреть свои взгляды на мир.

Моей женой стала Джоан Митчелл, искусствовед из Виннипега, административного центра канадской провинции Манитоба. Она училась в Институте изящных искусств Нью-Йоркского университета. Мы познакомились у нее дома на вечеринке. Когда я вошел, в квартире звучала одна из моих любимых записей. Как выяснилось, Джоан тоже обожала классическую музыку. Несколько месяцев мы встречались, в октябре 1952-го поженились, но уже через год после свадьбы расстались. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что проблема заключалась во мне. В то время я еще не осо-

знавал, насколько ответственно нужно подходить к созданию семьи. В выборе я руководствовался не велением сердца, а голосом разума, убеждая себя: «Она очень умна, очень красива – лучшей жены не найти!» Джоан действительно оказалась замечательным человеком, и это сделало наш разрыв еще болезненнее. К счастью, мы до сих пор сохраняем дружеские отношения.

Джоан была близкой приятельницей жены Натаниела Брэндена – молодого поклонника творчества писательницы Айн Рэнд, а позднее ее любовника. Тогда-то я и познакомился с этой русской иммигранткой, чей роман «Источник» (The Fountainhead) в годы войны стал бестселлером. Незадолго до нашей встречи Айн Рэнд переехала из Голливуда в Нью-Йорк, где организовала небольшой, но активный кружок последователей своих идей. Я прочел ее роман, который показался мне очень увлекательным. Его главный герой, архитектор Говард Рорк, неистово борется за свое право на творческую индивидуальность – вплоть до того, что взрывает спроектированное им здание, обнаружив отклонения от проекта. В конце концов Рорк одерживает победу в этой борьбе. В романе «Источник» Рэнд наглядно представила принципы той философии, которую исповедовала, – философии рационального мышления, индивидуализма и неограниченной свободы личности. Позднее она обозначила свою доктрину как объективизм (сегодня это называется либертарианством).

Объективизм превозносит свободный капитализм как идеальную форму социального устройства. Неудивительно, что Айн Рэнд ненавидела советскую коммунистическую систему, о которой она знала не понаслышке. Рэнд расценивала ее как воплощение грубого коллективизма. В эпоху наивысшего расцвета советской власти писательница заявляла, что эта система внутренне порочна и неизбежно разрушится сама по себе.

Айн Рэнд и ее единомышленники в шутку называли себя коллективом – действительно в шутку, поскольку их взгляды были прямо противоположны философии коллективизма. Каждую неделю они собирались в квартире у Рэнд на Ист 34-й улице, где в разговорах нередко засиживались до утра. В тот вечер, когда Джоан пригласила меня на одну из таких встреч, присутствовавших было немного. В просто обставленной комнате сидели семь-восемь человек: Айн Рэнд, ее муж-художник Фрэнк О'Коннор, супруги Брэнден и еще несколько гостей. Писательница оказалась невысокой женщиной заурядной внешности в возрасте далеко за сорок. На ее строгом, почти суровом лице выделялись широкие брови, крупный рот и большие черные глаза. Выразительность глаз подчеркивали темные волосы и стрижка «под пажа». Хотя к тому времени Айн Рэнд прожила в США четверть века, она говорила с заметным русским акцентом. У нее были потрясающие аналитические способности, она легко препарировала любую идею и не признавала

бессодержательных разговоров. И все же, несмотря на кажущуюся непреклонность, наша хозяйка всегда стремилась к открытому обсуждению проблем. Любое заявление, от кого бы оно ни исходило, Айн Рэнд воспринимала с живейшим интересом и сразу же переходила к сути дела, не отвлекаясь на мелочи.

Побыв несколько вечеров в роли слушателя, я наконец решился проявить свою приверженность идеям логического позитивизма. Не помню, о чем именно в тот раз шла речь, но в какой-то момент я высказал мысль, что абсолютных норм морали не существует. Айн Рэнд вмиг ухватилась за мою фразу.

– Это как же? – спросила она.

– С позиции истинного рационализма нельзя признать существование чего бы то ни было без достаточных эмпирических подтверждений, – пояснил я.

– Разве такое может быть? – переспросила Рэнд. – Ну а вы-то существуете?

– М-мм... Не могу утверждать это с уверенностью, – признался я.

– Значит, вы допускаете возможность того, что вы *не* существуете?

– Допускаю.

– А кто же тогда все это говорит?

Нужно было присутствовать при этом разговоре или, скорее, быть двадцатишестилетним фанатичным приверженцем

математики, чтобы понять мою реакцию. Я был ошеломлен. Айн Рэнд блестяще продемонстрировала собравшимся внутреннюю противоречивость моей позиции.

Но главное было не в этом. Я гордился своими логическими способностями и считал, что могу одержать верх в любом интеллектуальном поединке. После этой беседы с Айн Рэнд я почувствовал себя шахматистом, который начал партию, не сомневаясь в своем мастерстве, и внезапно получил мат. До меня дошло, что многое из представлявшегося непреложной истиной может оказаться элементарным заблуждением. Но я был слишком упрям, чтобы сразу признать поражение, и попросту замолчал.

После того вечера Рэнд дала мне прозвище Похоронный агент – отчасти из-за моей непомерной серьезности, отчасти из-за манеры одеваться (неизменный темный костюм и галстук). Позже я узнал, что еще много дней спустя Рэнд время от времени интересовалась: «Ну, так что там решил наш Похоронный агент – существует он в действительности или нет?»

Зато в Совете конференции мои дела шли хорошо. Мне поручили работу над очень крупным проектом, в рамках которого анализировалась деятельность Пентагона по строительству реактивных истребителей, бомбардировщиков и другой авиатехники в условиях Корейской кампании и холодной войны. Для выполнения этого проекта тре-

бовалась поистине детективная работа. Когда началась война в Корее, Министерство обороны засекретило планы оборонных поставок. Структура соответствующих заказов была известна только авиастроительным компаниям, которые их выполняли. Для Уолл-стрит и других отраслей американской экономики эта информация оставалась тайной за семью печатями. Однако наращивание вооружений слишком ощутимо влияло на экономическую ситуацию, чтобы не принимать его во внимание: после послевоенного затишья оборонные расходы начали увеличиваться и к 1953 году достигли почти 14 % ВВП (для сравнения, в 2006 году они составили лишь 4 % ВВП). В результате началась лихорадка на рынках сырья и оборудования, возникла нехватка квалифицированных рабочих и инженеров, а перспективы развития экономики в целом оказались под вопросом. Сильнее всего авиастроительная гонка повлияла на положение производителей алюминия, меди и стали: эти материалы попали в категорию стратегических и подлежащих контролю.

К тому времени я уже неплохо разбирался в ситуации на металлургических рынках и потому добровольно вызвался провести исследование, на что мое руководство отреагировало положительно. Я начал с анализа открытых источников информации, но они оказались практически бесполезными: слушания в конгрессе по вопросам военного производства проводились в атмосфере секретности, и их стенограммы публиковались с многочисленными купюрами. Ко-

личество и типы новых самолетов, число самолетов в эскадрилье, число эскадрилий в авиакрыле, количество самолетов в резерве, количество и структура небоевых потерь – все эти сведения вымарывались цензурой. Тогда я решил изучить материалы слушаний конца 1940-х годов. В тот период интересующие меня данные еще не засекречивались: в Пентагоне шло сокращение, высшие военные чины регулярно отчитывались перед Подкомитетом по оборонным ассигнованиям и представляли детальные сметы расходов. Я исходил из того, что и в 1950 году эти сметы составлялись так же, как в 1949-м.

Полученную таким образом информацию я взял за основу. Теперь нужно было собрать воедино все сведения, имевшиеся в открытом доступе. Я начал изучать инженерно-техническую документацию и организационные схемы, объемные статистические данные федерального бюджета и головоломную терминологию оборонных заказов Пентагона. Постепенно разрозненные детали складывались в общую картину. Например, зная массу самолета, я мог оценить количество алюминия, меди и других материалов, необходимое для его изготовления. Это, в свою очередь, позволяло рассчитать общую потребность в сырье для авиастроительной промышленности.

Мой отчет был опубликован в ежемесячнике *Business Record* весной 1952 года в двух длинных статьях под общим заголовком «Экономика и ВВС». Позднее я случайно

узнал, что некоторых пентагоновских специалистов по планированию удивила точность моих выводов. Но важнее всего для меня было признание аудитории. После публикации многие компании обратились ко мне с просьбой представить детальный расчет.

Примерно в то же время я начал получать независимые заказы на проведение исследований от своего коллеги по Совету конференции, аналитика Санфорда Паркера. Санди, как все его называли, вечно растрепанный энергичный коротышка лет на десять старше меня, уже создал себе имя публикацией еженедельных комментариев для журнала *Business Week*, с которым он сотрудничал с 1939 года. Теперь же, работая в Совете конференции, Санди писал экономические статьи для журнала *Fortune*. Когда он предложил мне взять часть его аналитической работы, я сразу же согласился.

Заказы, которые Санди получал от *Fortune*, были обусловлены стремлением журнала воспользоваться нарождавшейся, по мнению редакторов, тенденцией. Хотя тогдашний деловой мир не отличался образованностью, некоторые признаки указывали на рост интереса крупных промышленников и финансистов к вопросам экономики. В конце 1940-х годов членом редколлегии *Fortune* был Джон Кеннет Гэлбрейт, правда, я не думаю, что именно он первым уловил этот сдвиг в сознании.

Санди слыл авторитетом в своей области и обладал навыками, которых мне не хватало. Прежде всего он умел четко

и кратко излагать мысли. Санди стал учить этому меня и почти достиг цели (на посту председателя ФРС мне пришлось отвыкнуть от этого умения). Редакторам журнала нравилась убедительность, с которой Санди писал на общеэкономические темы, и его нестандартный подход к выявлению и анализу тенденций.

Чем больше я работал с Санди, тем яснее видел, что его авторитет во многом обусловлен одним простым фактом: он знал об экономике больше, чем кто-либо другой. Хотя мои знания были не столь обширны, разрыв между нами не казался непреодолимым. Каждый день, выполняя любимую работу, я узнавал что-то новое. Если так пойдет и дальше, думал я, то когда-нибудь мы сравняемся.

В конце 1950 года Санди покинул Совет конференции и перешел на только что открывшуюся должность главного экономиста *Fortune*. Я надеялся получить место в том отделе, который он создавал, однако журнал предложил мне внештатное сотрудничество. Вместе с Санди и другими авторами я должен был работать над подготовкой серии статей под названием «Американский рынок: время перемен». Они публиковались в 12 выпусках на протяжении двух лет. С появлением этого нового источника дохода я почувствовал, что могу пойти на определенный риск.

Время от времени мне звонил некий инвестиционный консультант по имени Уильям Уоллес Таунсенд. Он был старшим партнером компании Townsend Skinner с Уо-

лл-стрит, одного из самых мелких членов Совета конференции. Таунсенд читал мои работы и иногда обсуждал их со мной по телефону. Однажды, в начале 1953 года, он позвонил и предложил: «Может, пообедаем вместе в Bankers' Club?» Я согласился.

Я добрался до центра на метро. Bankers' Club занимал три этажа в верхней части небоскреба Equitable Building в финансовом районе города. Внизу находилось помещение для приемов, над которым располагались библиотека и ресторан. Из окон открывался чудесный вид, полы были устелены толстыми коврами, дорогая мебель сочеталась с роскошными шторами. По нашим разговорам у меня сложилось впечатление, что Таунсенду около 40 лет (он представлял меня таким же). Выйдя из лифта, я попросил служащего показать мне господина Таунсенда и обнаружил, что на вид ему не меньше шестидесяти пяти. Когда я подошел и представился, мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. В общем, мы сразу же нашли общий язык.

Билл родился в 1888 году в северной части штата Нью-Йорк и за свою жизнь испытал немало взлетов и падений. В двадцатые годы, работая экспертом по корпоративным облигациям, он заработал \$2 млн на Уолл-стрит, тогда же им была написана книга о торговле облигациями для Ассоциации независимых банкиров. Во время краха фондового рынка 1929 года Билл потерял все, но в 1930-е поднялся и создал небольшую компанию, которая занималась расчетом стати-

стических индексов для прогнозирования динамики рынков акций и облигаций.

В то время, когда произошла наша встреча, Таунсенд издавал бюллетень *Savings and Loan Letter*, на который подписывались сберегательные учреждения. Его партнером был Ричард Дейна Скиннер, потомок поселенцев Новой Англии, праправнук Ричарда Генри Дейна-младшего, автора книги «Два года под мачтой» (*Two Years Before the Mast*). У компании *Townsend Skinner* было много известных клиентов, таких как пионер авиастроения и основатель компании *Douglas Aircraft* Дональд Дуглас и экс-президент Герберт Гувер, с которым Билл периодически встречался. Скиннер уже несколько лет как скончался, а зятю Таунсенда, также работавшему в его компании, предложили должность финансового агента в Федеральной системе банков жилищного кредита. Именно поэтому Таунсенд и пригласил меня пообедать. «Предлагаю вам работать вместе со мной», – сказал он.

Для меня принять это предложение было несложно. Помимо сотрудничества с *Fortune* я стабильно получал заказы на проведение исследований, и мне регулярно звонили новые клиенты. Никаких обязательств у меня не было – к тому времени мы с Джоан уже решили расстаться, и через несколько месяцев я переехал обратно на Манхэттен в квартиру на 35-й улице.

Компания *Townsend-Greenspan* фактически начала работу в сентябре 1953 года, а официально мы зарегистрирова-

лись в 1954 году. Наш офис находился на Бродвее, немного южнее здания Нью-Йоркской фондовой биржи. Мы занимали довольно скромное помещение с двумя кабинетами (для Билла и меня) и общей приемной, где располагались два ассистента-аналитика и секретарь.

Направления нашей с Биллом деятельности практически не пересекались. Таунсенд продолжал выпускать свой бюллетень и консультировать по вопросам инвестирования. А моими клиентами поначалу стали те, кто знал меня по Совету конференции. Первыми ко мне обратились представители фонда Wellington Fund, предшественника Vanguard Group. Вскоре я начал работать с Republic Steel, третьим по величине производителем стали в США. За два года к числу моих заказчиков прибавились еще десять производителей металлопродукции, включая U.S. Steel, Armco, Jones & Laughlin, Allegheny-Ludlum, Inland и Kaiser. Лучшей рекламы для Townsend-Greenspan нельзя было и пожелать. Производство стали являлось символом американского могущества, и в рейтинге Fortune 500, который впервые был опубликован в 1955 году, названия этих компаний занимали верхние строчки. Постепенно наша клиентура расширялась, в числе наших заказчиков оказались Alcoa, Reliance Electric, Burlington Industries, Mellon National Bank, Mobil Oil, Tenneco и многие другие.

От докторской диссертации мне пришлось отказаться – на нее попросту не хватало времени. По несколько раз

в месяц я прыгал в самолет и летел в Питтсбург, Чикаго или Кливленд на встречу с клиентами, а в остальное время строчил отчеты. Мне очень не хотелось бросать диссертацию, тема которой была интересной – структура расходов и сбережений населения США. Но сдача устных экзаменов и завершение исследований требовали не меньше полугода и были несовместимыми с бизнесом. Я убеждал себя, что ничего не теряю, поскольку не собираюсь отказываться от чтения специальной литературы и изучения экономики в процессе работы. Однако, когда я сталкивался с профессором Бернсом и слышал его неизменный вопрос «Когда вы вернетесь к науке?», меня мучили угрызения совести. Диссертацию я все же защитил, но намного позже, уже в 1970-е годы.

Успех компании Townsend-Greenspan во многом был обусловлен нашим умением облекать экономический анализ в форму, пригодную для использования руководителями компаний в процессе принятия решений. Скажем, наступит подъем экономики. Типичный директор промышленной компании – это бывший торговый представитель, инженер или руководитель более низкого звена. Информация о динамике ВВП для него бесполезна. Но если вы скажете директору предприятия по производству автокомплектующих, что через полгода General Motors будет ставить на Chevrolet другие агрегаты, то это уже сигнал к действию.

Сегодня логистические цепочки настолько интегрированы, что обмен сведениями между поставщиками и произво-

дителями происходит беспрепятственно – как раз на этом основан современный метод «точно вовремя». Но в те годы взаимодействие между участниками процесса снабжения напоминало скорее игру в покер. Скажем, вы менеджер по закупкам в компании, выпускающей бытовую технику, и вам нужна тонколистовая сталь для изготовления холодильников. Так вот, если вы раскроете торговому представителю сталелитейной компании размер своих запасов, это лишь ухудшит вашу позицию на переговорах.

В связи с отсутствием такого рода информации сталелитейные компании вынуждены были планировать производство почти вслепую. Более того, многие из наших клиентов – производителей стали владели ситуацией только в своем сегменте рынка. Но перспективы металлургической отрасли могли кардинально измениться в связи с ростом или сокращением спроса на пассажирские вагоны, строительные конструкции, бурильные трубы и даже консервные банки. По существу динамика этого спроса в краткосрочной перспективе отражала изменение объема запасов и потребления металлопродукции.

Надежность прогнозов напрямую зависит от полноты данных, на которые они опираются. Я учитывал исторические уровни производства легковых и грузовых автомобилей, динамику производства авиакомпонентов и многое другое. Сведения об ассортименте и отраслевой структуре поставок металлопродукции я ежемесячно получал из Американ-

ского института сталелитейной промышленности, а данные об экспорте и импорте – из Министерства торговли (в то время США были крупнейшим экспортером стали, а импорт почти отсутствовал). Объединяя данные о внутреннем производстве стали с объемами экспорта и импорта, я рассчитывал объемы поставок в конкретные отрасли промышленности. Следующей проблемой было определение объема фактического потребления металла в том или ином квартале и соответствующего изменения запасов. Здесь мне опять помогали данные периода Второй мировой войны и Корейской кампании: правительство рассекретило значительную часть статистики по металлургии из архивов Управления военного производства, которое занималось распределением промышленных ресурсов США. Каждая отрасль, потреблявшая сталь (автомобилестроение, машиностроение, строительство, нефтедобыча), имела собственный цикл движения запасов, четко отраженный в документах.

Эти данные в сочетании с моими недавно приобретенными навыками макроэкономического прогнозирования (спасибо Санди Паркеру!) позволяли нам составлять прогнозы совокупного выпуска продукции сталелитейной промышленности. Со временем мы научились отслеживать изменения рыночных долей конкретных металлургических компаний, что позволяло производителям принимать обоснованные решения о распределении ресурсов в будущих кварталах с целью максимизации прибыли.

К 1957 году мой опыт сотрудничества со сталелитейными предприятиями насчитывал уже несколько лет. В конце года я отправился в Кливленд для выступления перед руководством компании Republic Steel, которую тогда возглавлял Том Паттен. По моим сведениям, в отрасли наблюдался быстрый рост запасов. Это означало, что объемы производства в сталелитейной промышленности значительно превышали уровень потребления металлопродукции. Чтобы прекратить дальнейшее накопление запасов, нужно было снизить объемы выпуска стали. Серьезные проблемы отмечались и в других отраслях. «Пятьдесят восьмой год будет ужасным», – резюмировал я. Паттен отреагировал на это следующей фразой: «Как бы там ни было, а портфель заказов у нас отличный». В итоге производственный план Republic Steel остался прежним.

Месяца через три спрос на сталь рухнул. Начинался экономический спад 1958 года, самый значительный в послевоенном периоде. Когда я в следующий раз прилетел в Кливленд, Паттен заявил перед собравшимися: «М-да, мой друг, а ведь вы оказались правы».

Предсказание кризиса 1958 года стало моим первым общеэкономическим прогнозом. Я столько времени проводил за изучением ситуации в сталелитейной промышленности, что без труда разглядел признаки надвигающегося спада. В те годы сталелитейная отрасль играла намного более важ-

ную роль в американской экономике, могущество которой зиждилось в первую очередь на производстве товаров длительного пользования, в большинстве своем изготавливавшихся из металла. Кризис в металлургии неминуемо должен был повлиять на состояние других сфер экономики, и я смог заранее предупредить об этом своих клиентов.

Предсказание спада 1958 года значительно укрепило нашу репутацию. Однако макроэкономические прогнозы занимали среди интересов наших заказчиков далеко не первое место. Наша основная работа заключалась в аналитической оценке факторов, определяющих текущее состояние экономики. Прогнозы определяли лишь возможные последствия существующих дисбалансов. От нас требовалось разъяснение характера взаимосвязей между различными факторами, а клиент сам решал, как использовать полученную информацию. Руководителям крупных компаний не нужны выводы тридцатилетнего «юнца» относительно глобальных перспектив развития экономики. Но они с готовностью выслушивают мнение относительно конкретных тенденций и взаимозависимостей, особенно если могут сопоставить их с собственными сведениями. Я всегда старался говорить с клиентами на их языке. Я предлагал информацию не о том, как изменится ВВП, а о том, каким будет спрос на металлорежущие станки через полгода или как отреагирует рынок мужских сорочек на изменение торговой наценки на широкую ткань. Я выявлял общеэкономические тенденции и переносил их

на конкретный бизнес. Именно это составляло ценность моих услуг и обеспечивало процветание нашей компании.

Работа с компаниями тяжелой промышленности помогла мне глубже понять ключевые движущие силы капитализма. Еще в 1942 году экономист Гарвардского университета Йозеф Шумпетер сформулировал концепцию созидательного разрушения, которая проста, как и все гениальное. Согласно его теории рыночная экономика постоянно совершенствуется изнутри за счет естественного вытеснения устаревшего и убыточного бизнеса и перераспределения ресурсов в пользу новых, более продуктивных компаний. Я познакомился с трудами Шумпетера еще в 20-летнем возрасте, всегда считал его позицию верной и на протяжении своей карьеры не раз наблюдал описанный им процесс.

Блестящей иллюстрацией может служить история развития телеграфа. Когда в конце 1930-х годов я и мой приятель Херби учили азбуку Морзе, этот вид связи переживал период расцвета. Телеграф, появившийся в 1850–1860-е годы, изменил американскую экономику. К концу 1930-х годов ежедневно отправлялось более полумиллиона телеграфных сообщений, и посыльный из Western Union в то время был таким же обыденным явлением, как сейчас курьер из FedEx. Телеграммы соединяли американские города и веси, ускоряли обмен информацией между компаниями и людьми, связывали промышленные и финансовые рынки США с остальным миром. Все самые важные и срочные личные и деловые

сообщения передавались именно телеграфом.

Несмотря на свое процветание, эта отрасль уже стояла на пороге исчезновения. Те «молниеносные» телеграфисты, которыми я так восхищался, давно ушли в прошлое. Устаревшие системы с ключом были вытеснены телетайпами, и операторы Western Union в большинстве своем превратились в обыкновенных машинисток, набирающих сообщения на обычном языке. Изучение азбуки Морзе в буквальном смысле слова стало детской забавой.

А потом появилась телефонная связь, более удобная для общения на расстоянии, чем телеграф. Если в конце 1950-х годов в Townsend-Greenspan Билл Таунсенд иногда и отправлял телеграммы старым клиентам, то в целом мы практически не пользовались телеграфом. С заказчиками в промежутках между встречами общались по телефону, который был эффективным, экономичным и потому более продуктивным средством связи. Я всегда немного жалел об ушедшем в прошлое искусстве телеграфистов-виртуозов, вытесненном с рынка новой технологией (точно так же, как оно само когда-то вытеснило романтику почтовой службы Pony Express).

Я не раз становился свидетелем процесса замены старого новым. Например, в дни работы консультантом я непосредственно наблюдал закат эпохи жестяных консервных банок. В 1950-е годы необычайной популярностью пользовались консервы и концентрированные супы в жестянках. Се-

мейный ужин из концентратов был непременным атрибутом загородной жизни, а консервный нож имелся на каждой кухне. Производителям продуктов тоже нравилась жестяная банка: заключенные в нее овощи, мясо и напитки можно было перевозить на большие расстояния и хранить длительное время. Старомодная бакалейная лавка, где продавец взвешивал продукты в присутствии покупателя, ушла из жизни: ее заменили магазины самообслуживания, которые были более удобны и предлагали товары по более низким ценам.

Эти жестянки 1950-х изготавливались луженой стали (или, короче, жести), которую в огромных количествах поставляли сталелитейные компании – клиенты Townsend-Greenspan. В 1959 году объем выпуска жести в США достиг 5 млн тонн – около 8 % совокупного объема производства сталелитейной промышленности. Затем для отрасли наступили не лучшие времена. В связи с масштабной общенациональной забастовкой заводы остановились почти на четыре месяца, в течение которых «Большая сталь», т. е. крупнейшие американские производители стали, впервые столкнулась с серьезной конкуренцией со стороны немецких и японских компаний.

Алюминиевую промышленность тоже лихорадило: спад в экономике привел к сокращению прибылей трех крупнейших производителей – Alcoa, Reynolds и Kaiser. Дефицит на рынке жести объемом 5 млн тонн обернулся для них удачей. Алюминиевые банки, которые только-только появи-

лись, были легче стальных и проще в изготовлении: их делали не из трех заготовок, а из двух. Кроме того, на алюминиевую поверхность лучше наносилась многоцветная маркировка. В конце 1950-х этот металл уже начали использовать при изготовлении емкостей для замороженного концентрированного сока. Но фурор произвела пивоваренная компания Coors Brewing Company, начавшая продавать пиво в алюминиевых банках емкостью семь унций вместо традиционных жестяных 12-унциевых банок. Миниатюрность добавляла новинке привлекательность, хотя в действительности дело было в том, что изготавливать алюминиевые банки стандартного размера тогда еще не умели. К началу 1960-х инженеры решили эту проблему.

Настоящим прорывом стала разработка в 1963 году банок с выдергивающимся сегментом. С их появлением исчезла необходимость в открывалках, к тому же сама крышка могла изготавливаться только из алюминия. Одним из моих клиентов была крупнейшая алюминиевая компания Alcoa. В то время ее генеральный директор как раз интересовался возможностями применения алюминия в новых прибыльных сферах (подобно компании Reynolds, которая первой начала выпуск бытовой алюминиевой фольги). Вице-президент Alcoa горячо поддерживал идею производства алюминиевых банок. «Будущее Alcoa за пивными банками!» – говорил он. Когда появились крышки с выдергивающимся сегментом, оба руководителя с энтузиазмом приняли новинку.

Первой крупной компанией, выпустившей пиво в таких банках, стала Schlitz. Вскоре к ней присоединились и другие, к концу 1963 года уже 40 % пивных банок в США имели алюминиевые крышки с выдергивающимся сегментом. Не заставили себя ждать и производители безалкогольных напитков: в 1967 году Coca-Cola и Pepsi перешли на алюминиевые банки. Стальную тару для напитков постигла участь телеграфного ключа, деньги стали вкладывать в новую технологию. Благодаря переходу на выпуск алюминиевых банок квартальная прибыль Alcoa осенью 1966 года достигла максимальной отметки за всю 78-летнюю историю существования компании. В конце 1960-х годов инвесторы дружно бросились скупать акции алюминиевых предприятий, подогревая и без того перегретый фондовый рынок.

Для сталепроизводителей потеря этого сегмента рынка стала лишь одним из этапов затяжного спада. До 1960-х годов объем импорта стали в США был незначителен в связи с расхожим мнением о том, что иностранная сталь не соответствует американским стандартам качества. Однако забастовка 1959 года, которая не прекращалась более трех месяцев, заставила автомобильные компании и других крупных потребителей искать новые источники снабжения. В итоге они обнаружили, что Европа и Япония тоже могут предложить первоклассную сталь, причем по более низкой цене. К концу 1960-х годов сталелитейная промышленность окончательно утратила статус символа американской эконо-

мики, уступив лидерство таким быстрорастущим компаниям, как IBM. Процесс, который Шумпетер назвал «непрерывным штормом созидательного разрушения», захватил «Большую сталь».

Хотя мои услуги пользовались спросом, я расширял клиентуру Townsend-Greenspan весьма осторожно. Я стремился поддерживать высокую рентабельность (на уровне 40 %) и всячески старался избегать зависимости от одного клиента, потеря которого могла поставить под угрозу наш бизнес. Билл Таунсенд был полностью согласен с таким подходом. Он по-прежнему оставался самым лучшим компаньоном, какого только можно было представить. Хотя наше сотрудничество продолжалось всего пять лет (Билл умер от сердечного приступа в 1958 году), за это время мы очень сблизились. В его лице я обрел добродушного и щедрого отца. Билл настоял на справедливом распределении прибыли, и постепенно моя доля стала существенно превышать его часть. Никогда я не замечал в нем чувства ревности или соперничества. После смерти Билла я выкупил его долю у наследников и получил разрешение оставить имя Таунсенда на дверной табличке. На мой взгляд, это было справедливо.

Общение с Айн Рэнд стало играть большую роль в моей жизни. Благодаря ее влиянию мои взгляды сформировались окончательно. Довольно быстро мы нашли точки соприкосновения по большинству вопросов (чаще именно я присо-

единялся к ее мнению), и в 1950-е – начале 1960-х годов я стал регулярным посетителем еженедельных собраний у нее дома. Рэнд была незаурядным мыслителем, обладала острым аналитическим умом, сильной волей и твердыми принципами. Высшими ценностями для нее были логика и рациональность. В этом отношении наши взгляды полностью совпадали – мы оба придавали первостепенное значение строгому соблюдению математических и логических законов.

Однако Айн Рэнд не ограничивалась этими рамками. Она вдавалась в такие сферы, в которые я никогда не отваживался углубляться. Рэнд была страстной поклонницей философии Аристотеля, которая признавала существование объективной реальности, не зависящей от сознания и вместе с тем познаваемой. Потому-то Айн и называла свою мировоззренческую доктрину объективизмом. Кроме того, она была полностью согласна с принципами аристотелевской этики, гласившими, что человеку присуще врожденное благородство духа и высшим предназначением каждого является развитие своего потенциала для достижения процветания. Анализ какой-либо концепции под ее руководством становился прекрасным упражнением в логике и гносеологии. В большинстве случаев мне все же удавалось поспевать за ходом ее мысли.

В «коллективе» Айн Рэнд я впервые нашел круг общения, не стесненный границами моей университетской и профессиональной деятельности. Я с энтузиазмом участвовал в пол-

ночных дебатах и писал статьи для ее «Информационного бюллетеня» с восторженной горячностью юного почитателя, всецело отдавшегося новым идеям. Как и любой новообращенный, я пытался формулировать эти идеи предельно просто, вычленяя самую суть. Исходно любая концепция предельно проста, и лишь потом она усложняется и обрастает всевозможными оговорками. В противном случае нам нечего было бы изучать и не о чем спорить. Моя восторженность прошла лишь после того, как я начал обнаруживать противоречия во вновь обретенной системе убеждений.

Одно из таких противоречий было особенно показательным. Согласно принципам объективизма взимание налогов противоречило нравственным нормам, поскольку представляло собой изъятие частной собственности правительством. Однако если налогообложение неправомерно, то как финансировать защиту государством прав личности, которая осуществляется правоохранительными органами? Философия Рэнд предлагала такой ответ: за счет добровольных отчислений граждан, понимающих необходимость существования. Однако все люди обладают свободной волей, что если они разом откажутся платить?

Я по-прежнему считал (и до сих пор считаю) идею свободной рыночной конкуренции правильной, однако постепенно начинал осознавать, что несовершенство моей системы взглядов не позволяет требовать от других ее безоговорочного признания. Когда в 1968 году я подключился к пре-

зидентской кампании Ричарда Никсона, у меня уже было твердое намерение доказать преимущества свободного рыночного капитализма через участие в политической деятельности, а не через критику со стороны. Принимая предложение возглавить Экономический совет при президенте США, я знал, что мне придется дать публичное обещание защищать не только Конституцию, но и федеральные законы, многие из которых были, на мой взгляд, несправедливыми. Демократическое общество, управляемое нормами права, предполагает отсутствие единодушия практически по всем аспектам общественной жизни. Компромиссы по общегражданским вопросам являются платой за цивилизованность, а не проявлением беспринципности.

От внимания публики не укрылось, что на процедуре приведения к присяге в присутствии президента Форда в Овальном кабинете рядом со мной стояла Айн Рэнд. С писательницей мы поддерживали дружеские отношения до самой ее смерти в 1982 году, и я благодарен Рэнд за то влияние, которое она оказала на мою жизнь. До встречи с ней мое мировоззрение было ограниченным. По характеру своей работы я замыкался на фактах и цифрах, оставляя в стороне культурные и нравственные ценности. Я был талантливым специалистом, но не более того. Исповедуемый мною логический позитивизм не принимал во внимание историю и литературу. Если бы в то время меня спросили, стоит ли читать Чосера, я ответил бы: «Ерунда». Благодаря Айн Рэнд я стал ин-

тересоваться природой человека и системой общечеловеческих ценностей, размышлять о том, как они действуют, о механизмах и мотивах людских поступков и идей. Это вывело мой кругозор далеко за пределы экономических моделей, которые я изучал. Я начал изучать устройство и развитие социокультурных формаций. Я понял, что экономические оценки и прогнозы зависят от знания этой сферы, поскольку различные культуры создают и преумножают материальные блага совершенно разными путями. Это понимание пришло ко мне благодаря знакомству с Айн Рэнд. Она открыла передо мною дверь в огромный и прекрасный мир, недоступный мне прежде.

3. Экономика и политика

В 1960-е годы Вашингтон захлестнула страсть к экономическим прогнозам. Все началось с того, что председатель Экономического совета Уолтер Хеллер – человек острого ума и большой эрудиции, преподаватель Миннесотского университета – однажды сказал президенту Кеннеди, что снижение налогов могло бы стимулировать развитие экономики. Кеннеди не поддержал эту идею – в конце концов, в своей инаугурационной речи он призывал американский народ к готовности пожертвовать личными интересами во имя нации. Кроме того, в сложившейся ситуации снижение налогов означало бы кардинальный пересмотр всей фискальной политики, поскольку федеральный бюджет был и без того дефицитным. В то время управление экономикой строилось по принципу планирования семейных финансов: «по доходу и расход». Как-то раз президент Эйзенхауэр выступил перед американцами в буквальном смысле с извинениями за то, что в тот год дефицит государственного бюджета достиг \$3 млрд.

Однако после Карибского ракетного кризиса, когда на горизонте уже маячили выборы 1964 года, темпы развития экономики настолько замедлились, что Кеннеди согласился с предложением Хеллера. В январе 1963-го президент вынес на рассмотрение конгресса законопроект о сокращении

налогов на общую сумму \$10 млрд, которое и по сей день остается самым значительным за всю послевоенную историю (с учетом масштабов экономики). По своим масштабам оно лишь немного уступает трем налоговым реформам Джорджа Буша-младшего вместе взятым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Конкуренция присутствовала не только в учебных классах, но и на спортивных площадках: школа Джорджа Вашингтона славилась среди городских учебных заведений своими игроками в бейсбол и американский футбол.

2.

Как член совета директоров банка JPMorgan я в 1977 году не раз бывал на заседаниях в том здании на Уолл-стрит, 23, из которого исходили инициативы по предотвращению финансового кризиса 1907 года. Жаль, что банк JPMorgan продал его в 2003 году.